

НУБУК

Роман Валерьевич Сенчин

Нубук

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=666795
Сенчин Р. Нубук: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-47218-5*

Аннотация

«Нубук» – один из самых ярких и провокационных романов в творчестве Романа Сенчина, автора знаменитой, жесткой и подкупающе правдивой семейной драмы «Елтышевы». Автор описывает печальную судьбу свободного предпринимательства в России на заре 1990-х. Три героя, одному из которых досталось немало биографических черт автора, пытаются прижиться и сделать карьеру в мире дикого отечественного бизнеса, но каждый терпит неудачу. Один сделал неверный шаг и разорился, другой попал в «Кресты», а третий спрятался от проблем в глухой сибирской деревне. Но куда можно спрятаться от себя самого?

Между счастьем и несчастьем лежит пропасть. И в ней мы все живем, нравится нам это или нет.

Содержание

Часть первая	4
1	4
2	13
3	22
4	32
5	46
Часть вторая	60
1	60
2	75
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Роман Сенчин

Нубук

Часть первая

1

Он появился как раз в тот момент, когда я почти забыл, что у меня была другая жизнь. Совсем другая. В квартире на пятом этаже, с ванной и унитазом, с удобной газовой плитой, телефоном; жизнь, где были друзья, веселые попойки на «свободной от родичей хате», субботние дискотеки... Да, я почти забыл ее, теперь я жил настоящим, последними пятью годами; жил в маленькой, одичавшей деревушке, в трехконном домике; каждый день я должен был заботиться о пропитании, ковыряясь на огороде и ухаживая за животиной, что с наступлением холодов будет забита и пойдет на прокорм мне и моим родителям.

Он приехал, открыл калитку и испугал меня. Ведь я сразу все вспомнил. Наш класс, дискотеки, девчонок, нас с ним в салоне «Ила», бегущего по посадочной полосе Пулковского аэропорта; вспомнил, как мы прилипли к круглому окошечку, пытаясь разглядеть в огнистой мгле новую, обетованную

землю... И когда он пошел ко мне, не обращая внимания на рвущегося с цепи, хрипящего от злости Шайтана, я испугался. Я готов был разозлиться подобно псу, что он появился, давно оставленный в прошлом, чужой, изменившийся, заставил вспомнить...

Ведь ничего не вернешь, так зачем ворошить?

– Здорóво! – блестя крупными, ровными, как подушечки «Дирола», зубами, он протянул мне руку.

Я дернул было навстречу свою, но вовремя заметил, что она черная (только что разбрасывал по редисочным грядкам древесную золу от жучков), и находчиво подставил ему запястье. Бормотнул:

– Извини...

– Как живешь? Чем занимаешься? – бодро, без раскачки стал спрашивать он. – Совсем окрестьянился?

А я никак не мог прийти в себя и все бормотал, не слыша за лаем Шайтана собственного голоса:

– Да ничё... так... потихоньку...

Из огорода на шум собаки пришли родители. Увидели гостя, разулыбались – узнали.

– Мы-то гадаем: что такое, кто это к нам на такой роскошной машине? А это Володя! – зачастила, засуетилась мама. – Здравствуй, здравствуй! Откуда?

И отец, радуясь, поздоровался с ним, полюбовался его подтянутой, крепкой фигурой, дорогим костюмом, направился в дом ставить чайник.

– Нет, я ненадолго. Машина ждет. – Вовка, отогнув рукав пиджака, взглянул на часы. – Самолет в шесть вечера. То-роплюсь.

Родители с пониманием закивали в ответ, а он потащил меня за ворота, подальше от бесящегося Шайтана и расспросов мамы; конечно, ей было о чем расспросить выбившегося в люди одноклассника сына...

За воротами белые, похожие на большую игрушку «Жигули», кажется, десятой модели, возле нее парень лет тридцати покуривает сигарету и, сощурясь, глядит на пруд, где с визгом и радостным матом плещется молодежь.

– Пошли вон туда, на лужайку, – не знакомя с парнем, предложил мне Володька.

– Пошли...

Осмотрев траву и не обнаружив в ней стекла и гусяного помета, он сел, бросил рядом раздутую кожаную сумочку.

– Ну и как?

Я вздохнул, пожал плечами, полез в карман рубахи за «Примой». Но закурить почему-то сейчас не решился.

– Н-да, – вздохнул и Володька, и в его вздохе явно слышно сочувствие и слегка – презрение. – Видать, не слишком-то в кайф.

Огляделся. Я сопровождал его взгляд своим. Радостного для глаз действительно маловато. Почерневшие домики, глухие заборы из разномастных горбылин, на той стороне улицы – свалка. Даже пруд – единственное живописное место

в деревне – и тот не вызывает симпатий: почти весь зарос
ряской и камышом.

– Ну и какие планы? – снова стал спрашивать, точно бы
тыкать меня иголками, одноклассник Володька.

– Пока, м-м, пока никаких. Опять год неурожайный, ка-
жется, обещается... Вряд ли много получится заработать...
На квартиру в городе копим...

– И сколько скопили?

Мне пришлось отозваться унылым кряхтением.

– Так, так, – Володька шлепнул на своем плече комара и
страхнул трупик прочь. – Побывал вот я в родном нашем
Кызыле. Тоже не очень-то. Димон то бухает, то дурь шмалит,
Саня под следствием...

– Саня? За что?! – Я искренне изумился, ведь Саня был
из нас, шести парней выпускного десятого «в» самый умный,
положительный; женился сразу после окончания школы на
своей с детства любви, жена родила ему двух детишек, сына
и дочку; в двадцать три года Саня стал начальником колонны
– грузы возил по районам республики. – За что Саня-то?!

– Да в общем-то ни за что. Прикончил двух тувинов, –
серьезно и коротко ответил Володька, но тут же расширил
ответ: – Поехал в рейс, куда-то то ли в Чадан, то ли в Эрзин,
муку повез этим тварям, а они на него. «КамАЗ» окружили
и ломиться стали в кабину. С ножами... Ну, Саня по газам,
и двух раздавил, кишки намотал на колеса.

– Сидит?

– Нет, на подписке. Но это тоже... У тувинов же кровная месть. Угрожают, стекла камнями бьют. Дома торчат, как в осаде... Вообще, я посмотрел, русских почти не осталось. В основном старики и алкашня... Ты-то давно там был?

– Пять лет назад.

Володька кивнул и подытожил:

– И нечего делать. Я мать еще тогда перевез, живет теперь тихо-мирно, не жалуется. К отцу вот ездил, уговаривал тоже перебираться. Чего ему?.. Пускай с матерью мирятся, сходятся. Скоро ведь стариками оба станут уже, чего им делить...

– А сестры? – я вспомнил его двух сестер, старшую – пышнотелую Марину и младшую – стройную, серьезную Таню.

– Маринка замужем, в Свердловске живут, а Татьяна со мной. Работает.

Володька снова посмотрел на часы и нахмурился.

– Надо ехать. До Абакана отсюда часа два еще?

– Так где-то...

– Да и парня задерживать неудобно, – Володька посмотрел в сторону «Жигулей». – Нанял в Кызыле, по пути сюда велел завернуть.

– И сколько это все стоит?

– Я ему сразу пятьсот штук предложил. Он согласился. Взял вперед половину, остальное уже в Абакане отдам.

– Широко, – хмыкнул я. – На автобусе это тысяч в восемьдесят обойдется...

– Зато без геморроев. И времени экономия... Так, – голос Володьки стал серьезным и деловым, – я вот что заехал-то. Давай ко мне в Питер. Чего тебе здесь? Совсем... гм, совсем оскотинишься. Не можешь прямо сейчас, так давай через месяц-два. У меня дела нормально идут, расширяюсь вовсю. Нужны люди...

Я почесал через рубаху потную грудь, спросил то ли его, то ли себя:

– А что я умею?

Володька ответил быстро, словно предвидел эту мою фразу:

– Да уметь особо ничего и не надо. Грузчиком будешь, иногда – товар развезти, деньги собрать по точкам. Только в Питере семьдесят точек... ну, мест, где моя обувь лежит, да еще по области, в Петрозаводске, в Новгороде... Работы хватит, зато и зарплата, отдых – не слабые... Ну, как?

Я, сам почувствовал, глуповато так улыбнулся, как маленький, дебильненький мальчик, улыбнулся и произнес:

– Конечно, заманчиво, но только...

– Чего опять – но?

– Н-ну, вот, – я мотнул головой в сторону избенки, невидимого отсюда огорода, свинарника, – хозяйство, дела. Родителей как бросать?..

– Что ж, как знаешь, – Володька, взяв с травы пухлую сумочку, собрался подняться, – дела так дела.

– Нет, погоди!

В голове как-то разом, мгновенно, как взрыв, как вспышка – куски нашей с ним общей питерской жизни. Строительное училище, драки с туркменами-однотруппниками, Невский проспект, пирожки-тошнотики на Московском вокзале, концерты в рок-клубе, мечты о будущем – радостном, сытом, богатым времечке. Володька до него вот добрался...

– Погоди, Вов! Так ведь быстро же невозможно, – затараторил, залепетал я, – надо, это... надо подумать.

– Мне ждать некогда. Я привык по-другому, – жестко ответил он, но все же снова устроился на траве и сумочку отложил. – Решай. Месяца два в твоём распоряжении. Сейчас все равно лето, в делах затишье... У меня однокомнатка пустая стоит, я сейчас трехкомнатную снимаю на «Приморской»... Зарплату сделаю долларов двести, если, конечно, будешь работать... Смотри, Ромка, я тебе помочь хочу. Одноклассник как-никак, друг мой лучший был... Гм... – Он спохватился, поправился: – Да и сейчас, думаю, друг... Смотри, увязнешь ведь, не вылезешь больше. Женишься на доярке какой-нибудь...

– Тут теперь нет доярок, – с ухмылкой перебил я, – ферму закрыли, коров на мясо продали.

– Ну, тем более – сваливать надо! – по новой стал раздражаться Володька; дернулся, посмотрел на часы и поднялся. – Короче, так, – он вынул из сумочки картонный прямоугольничек, – вот мои координаты. Надумаешь если – звони. Дальше тянуть этот беспонтовый базар у меня желания нет.

На дорогу деньги могу прислать. Сообщи.

Я тоже встал и вслед за ним поплелся к машине, разглядывая на ходу визитку. Переливающийся на солнце, разноцветный кружочек в левом верхнем углу, красивая, под древнерусскую вязь, надпись по центру: «Владимир Дмитриевич Степанов. Президент Торгового дома „Премьер“». А внизу деловито-строгие столбцы номеров телефонов, факса.

– Да, Володь, я позвоню. Позвоню обязательно! – Я только сейчас очнулся, очухался, понял, что это действительно шанс, что вот моя жизнь может сказочно вдруг перемениться, и потому заторопился, посыпал благодарностями, оправданиями: – Спасибо! Спасибо тебе, Володь! Ты извини, что я так... это от неожиданности просто. Да, Володь, я совсем увяз, утонул в этом всем... Я позвоню, Володь, позвоню! Помогу вот родителям и – ближе к осени... Ладно? Не поздно?

– Дело твое, – одновременно и жестко и с пониманием сказал он, открыл дверцу машины, но вдруг хлопнул меня по плечу и совсем как когда-то, когда мы дружили, сказал: – Не кисни, Ромыч! Ну-ка, блин, выпрямись, а то смотреть тошно. Все будет о'кей! Усек? – Еще раз хлопнул, болезненно и сердечно, и прыгнул в салон «Жигулей». – Счастливо!

– До встречи! – пискнул в ответ я, чуть не подавившись набухшим в горле комком.

Водитель неслышно тронул машину, и она мягко побежала по неразъезженному проселку нашей Приозерной улицы в двенадцать дворов.

Я смотрел ей вслед, крепко сжав двумя грязными пальцами бесценную, словно пропуск в новый и светлый мир, Володькину визитную карточку.

Защелкали дальше однообразные дни. Нет, другие дни – мучительные, длинные, как, наверное, кончающийся срок заключения.

Подъем в шесть утра, распаковка огуречных, помидорных теплиц, парников, отгон в стадо коровы, кормление свиньи, кроликов, кур. Потом завтрак, и – дальше – прополка бесчисленных грядок с луком, редиской, морковью, петрушкой; обрезание усов у виктории. Полив, подкормка настоявшимся во флягах конским навозом... Два раза в неделю сборы в город на рынок.

Еще с вечера отсортировываем огурцы поровней, потоварней, вяжем пучки редиски, морковки, лука-батун; хочется нарвать, навязать как можно больше, но где гарантия, что раскупят, и тогда хоть выбрасывай. В лучшем случае – придется кормить отборной морковкой кроликов, крошить редиску в варево свинье...

На рассвете загружаем товаром наш старый, на ладан дышащий «Москвич», мама с отцом надевают выходную одежду, – выглядеть надо прилично, тогда и покупают вроде получше, – и отправляются в город за пятьдесят с лишним километров. Вечером они вернутся усталые, измотанные рыночной суетой, долгой дорогой, но, каждый раз надеюсь, радостные, что удалось наторговать на триста, пятьсот, а то и

семьсот тысяч... Половина денег, правда, сразу растратилась на продукты, разные необходимые в быту мелочи, но все-таки какая-то сумма кладется в заветную шкатулку. На квартиру. Пусть потом шкатулка в очередной раз опустеет – неожиданная покупка дорогой запчастки для «Москвича», или теплой обуви на зиму, или ремонт опять перегоревшего насоса для качанья воды, – но сейчас, после удачной торговли, у нас праздник.

– Ничего-о, – бодро говорит отец, – прорвемся, ребята. Другие совсем все побросав уехали, углы снимают теперь, а у нас какой-никакой, но свой домишко, и земля, главное. Она с голоду помереть не даст. Просто надо работать – и все получится.

Пять лет мы живем этой надеждой. Сначала, когда переезжали, – торопливо, спасаясь, из родной, но ставшей вдруг чужой, враждебной к людям некоренной национальности республики, – надежды было побольше. Продали там трехкомнатную квартиру, дачу, гараж, собрались купить двухкомнатку в старинном русском городе на юге Красноярского края, но тут (а было это смутной осенью девяносто второго года) со всех сторон хлынули потоки переселенцев, и квартиру, примеченную нами, по-быстрому приобрела денежная семья из Норильска. А еще через две-три недели наших двух миллионов хватило на то, чтобы купить вот эту избенку с двадцатью сотками земли в маленькой, разоренной деревушке Захолмово.

И потекли, как говорится, годы, и каждый год разделен на две неравные части. Зима – вялое, сонливое время, неспешная подготовка к трудному, сулящему большие деньги, если повезет, лету, и само лето – на огороде с утра до ночи, в уходе за спасительными и проклятыми помидорами, огурцами, перцем, капустой, викторией, и в конце осени – пустая шкапулка и бледная надежда на следующий сезон.

С тупой, почему-то не пугающей меня самого обреченностью я стал приучаться к мысли, что такая цепочка лет бесконечна. То есть – пожизненна. Но вот появился Володька...

До поры до времени я оттягивал разговор с родителями насчет его предложения. Понятно, как они отнесутся. Наверняка поддержат, скажут, что это действительно шанс, шанс зацепиться в большой жизни, обеспечить себя, может, хорошо зарабатывать, даже купить квартиру там, в самом Питере. Ведь Володька же смог, вон каким стал, почти всей торговлей обувью заправляет на северо-западе страны, а был обычным троечником, хулиганом, его после восьмого класса дальше и брать не хотели, пытались сбаврить куда-нибудь в ПТУ. Конечно, сынок, надо ехать, надо попробовать! Что тебе здесь?.. Но в глазах у них будет другое, пусть и неосознанное, скрываемое от самих себя, – в глазах будет читаться: ты нас предаешь, оставляешь здесь одних, беззащитных, уставших, стареющих. Ведь им почти по шестьдесят, ведь силы вот-вот окончательно оставят, и в этот момент я от них убегаю.

И, думая постоянно о своей новой, грядущей жизни, о той обетованной земле, куда мы с Володькой прилетели после окончания школы, без малого восемь лет назад, и откуда очень быстро нас забрали в армию (Володька потом вернулся в Питер и стал в итоге таким, как сейчас, а я приехал на родину в тот момент, когда родители упаковывали вещи, чтоб эту родину покинуть), да, постоянно думая о будущем и вспоминая прошлое, я старался быть как всегда, тянуть лямку сегодняшнего, не показывая, что сегодняшнее мне уже почти безразлично... Отец, после удачной торговли или выпив за ужином, говорил: когда-то нам должно повезти, ситуация должна измениться, – но я больше не прислушивался к этим словам, я мечтал о Невском и о Васильевском острове, о ночных клубах, где никогда не бывал, о работе, какой-то абстрактной, туманной, но интересной, приносящей немало денег работе... И каждый день я искал удобного случая сказать о Володькином предложении.

Июнь не принес нам особых доходов. Виктория, на которую рассчитывали, была нынче очень плохая; по полдня мы с мамой лазали по грядам с дуршлагами в руках и собирали сухие, корявые ягодки, потом сортировали их, тщетно стараясь выбрать крупные и аппетитные для торговли.

– Заморозки повлияли, – говорил отец, с грустью глядя на эти наши попытки. – Помните, в середине мая до минус пяти доходило, а она цвела как раз... М-да-а, жалко, жалко...

К началу июля подоспели огурцы, перец, в конце месяца – помидоры. Они были на редкость хороши, обильны; плоды набухали чуть не на глазах. Каждый вечер мы снимали огурцов по несколько ведер и спускали в подвал, чтоб не дрябли. Помидоры складывали в коробки и составляли штабелями в летней кухне – дозревать. Но, оказалось, и у других урожай не хуже, и цены падали день ото дня. В итоге родители стали привозить к ночи нераспроданным половину, а то и больше того, что утром брали на рынок.

Начало августа ознаменовалось отличной цветной капустой, ее охотно покупали по двенадцать тысяч за килограмм; к сожалению, цветная капуста у нас быстро закончилась.

– Вот знать бы заранее, – сокрушалась мама, бродя по опустошенной капустной деляне. – В прошлом году никто и даром не брал, а нынче вон как, аж в очередь... На одной капусте можно было заработать раз в десять больше, чем на всем остальном.

– На будущий год на нее упор сделаем, – не унывая отзывался отец.

А числа пятнадцатого августа, после влажноватой, парной жары и буйства, отчаянного какого-то буйства природы, подул ветер. Он дул без перерыва, ровно и настойчиво и постепенно из горячего превращался в промозглый, пахнущий снегом. Значит, в Саянах снегопад, значит – лето кончилось.

И после ветра ленивый и мелкий, многодневный, основательный дождь. Совсем осенний... По временам я выходил в

огород, накрывшись тяжелым брезентовым плащом с капюшоном, и смотрел на землю.

Сперва она впитывала капли жадно, с радостью; листья умывались, зелень стала сочнее, ярче, но потом все устало, дождь сделался лишним, ненужным, растения поникли, отяжелели, даже на свежевскопанной земле появились лужицы... На шестой день это было невыносимо и растениям, и животным, и людям. Корова не желала выходить из сарая и жалобно мычала, прижимаясь к стене; Шайтан скулил в своей тесной будке; куры сидели на жердочках и почти не неслись. Огородные посадки поскучнели, начали гнить; земля больше не принимала влагу, а, наоборот, выталкивала ее, словно бы дождевая вода соединилась с подпочвенной и теперь не знала, куда деваться...

Деревня обезлюдела, все прятались по домам, изнывая от скуки. Мы тоже мучались скукой парализованного, который в мозгу готов свернуть горы, а на деле же не способен шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Да, занятия стали домашними, зимними; суета на какое-то время притормозилась. Мама штопала белье, одежонку, тщательно мыла посуду, подметала пол по три раза на дню, глядела в окно на пупырчатый от дождевых пулек пруд, где вяло плавали грязно-белые, сонные гуси, изредка тоскливо вскрикивая. Отец чинил унты, много курил возле печки, не пропускал ни одного выпуска новостей по телевизору, а затем рассуждал о политике. Я, лежа на кровати, греясь

светом настольной лампы, листал толстенный двадцать четвертый том «Большой советской энциклопедии» и зачем-то читал про Ленинабад, Леонардо да Винчи, Лермонтова, лесную зону, хотя интерес во всем томе для меня представляла лишь статья «Ленинград». Когда же голова чугунела от чтения, надевал брезентовый плащ и шел в умирающий огород или к кроликам, чтоб погладить теплую шерстку любимой Тихони... Событием и одновременно испытанием стали теперь походы к колодцу, в магазин, кормление животины.

С каждым днем дождя все ясней становилось, что и это лето пошло для нас прахом. И однажды за обедом я набрался храбрости и начал:

– Помните, Володька тогда приезжал?

– Конечно! – тут же отозвалась мама радостно и уважительно. – Какой он стал!..

– Ну, вот... Он мне тогда предложил, – я замялся, поковырял брусочки жареной картошки, отложил вилку, – предложил к нему туда ехать... ну, в Питер. Работать с ним... у него.

Подождал, какотреагируют на эту новость родители. Но они молчали, смотрели на меня и тоже ждали.

– Вот думал все это время, – волей-неволей пришлось говорить дальше. – Дело, понятно, сложное, хотя... Хотя, мы ведь с ним чуть ли не с детства мечтали о Питере. Он вот смог, теперь мне хочет помочь... Я ему тогда определенно ничего не сказал, сказал, что ближе к осени позвоню, сооб-

щу... М-м, вот и осень почти. — Я вздохнул подчеркнуто расстроенно, скорбно даже. — Надо решать.

— Дело, конечно, серьезное, — отозвался отец невеселым голосом; невеселым, но и без обиды. — Здесь, так сказать, палка о двух концах... — Он помолчал, видимо, собираясь с мыслями. — Бесспорно, это для тебя, да и для нас с мамой в какой-то степени выход. По крайней мере — на зиму. Только... понимаешь...

А мама смотрела в стол, как-то нервно, подрагивающим пальцем собирала в кучку хлебные крошки. И я, глядя на этот ее толстый, темный, с трещинками на коже, неухоженный палец, пожалел, что затеял разговор так неожиданно. Надо было, наверное, постепенно, вслух вспоминая время от времени Питер, Володьку, подготавливать их морально, настраивать. Я же сразу так, с молчания — и перед выбором.

— Понимаешь, — продолжал отец медленно, раздумчиво, — слишком зыбко, недолговечно то, чем твой друг занимается. Сегодня он на коне, а завтра, не дай бог, конечно, в подъезде с дыркой в черепе.

Мама дернулась, посмотрела на него возмущенно:

— Не надо уж так! Не пугай, пожалуйста! — Наверно, она представила меня, своего сына, в подъезде рядом с Володькой.

— Да это не я пугаю, а сама жизнь, само устройство реальности нашей. Вон, чуть ли не каждый день их отстреливают. И Питер на первом месте по всем статьям. Дня три назад пе-

редали – прямо на Невском проспекте заместителя Собчака застрелили. Среда бела дня...

– Ну, это же криминальных... убивают, – пыталась не согласиться мама, – а Володя, он вроде бы парень честный, серьезный.

– Хм, кто сейчас честный... Мы вон за электричество платим как за две розетки...

В нашей деревне в домах счетчиков нет – поэтому оплачивают определенную сумму, высчитанную в среднем из пользования двумя розетками.

– Платим за две розетки, а у самих в рассаднике плитки стоят всю весну, и в теплице ранней обогреватели. Какие ж мы честные?

– Это из-за необходимости, – тускло произнесла мама, – у нас крайняя ситуация.

Отец снова нехорошо ухмыльнулся:

– Все из-за необходимости, у всех, извини, ситуация достаточно крайняя.

Настроение было испорчено, обед забыт; жареная картошка остыла, брусочки покрылись беловатым налетом затвердевшего свиного жира.

Да, этот разговор не добавил оптимизма в существование нашей семьи. Наоборот, будто оборвалась веревка, что связывала, страховала нас, делала одним целым. И хотя твердо решено не было, ехать мне или нет, но так или иначе все дела, заботы теперь несли на себе печать скорого моего отъезда. Перебирая белье в шкафу, мама вздыхала: «Ни одной майки у Романа нет новой, да и рубахи... А обувь-то! Туфли совсем расползлись – не то что в Ленинград, а по деревне стыдно пройти...» Я отвечал, что с одеждой у меня порядок, но из первой же поездки в город после нашего разговора родители привезли мне новые кроссовки, две рубашки, футболку, трусы, несколько пар носков. Я хотел рассердиться, а вместо этого поблагодарил и намекнул, что надо бы тогда и новые джинсы...

Деньги, лежащие в заветной шкатулке, стали восприниматься родителями как сумма, предназначенная для Питера. Я было попытался объяснить, что Володька обещал выслать мне на дорогу, обещал обеспечить на первое время; отца эти мои слова оскорбили: «Не надо совсем уж голодранцем казаться! У тебя есть деньги, ты их заработал. Возьмет он на работу, будет платить – хорошо. А до этого времени нужно иметь на что себя прокормить. И на билет у тебя есть. Мы не какие-то нищие, просто, конечно, не миллионеры».

С каждым днем, словно бы вместе с уходящим, вянущим летом, я острее и острее чувствовал тоску по новому, по новой жизни; чаще и сами собой вставали перед глазами питерские проспекты, мосты, метро; затхловатый ветерок с близкого пруда казался запахом воды в Фонтанке... Деревня, привычная, с которой вроде сроднился за эти пять лет, становилась все убоже, враждебнее, темнее, наша избенка – неуютнее и теснее, и я уже удивлялся, как сумел прожить здесь так долго. Наверное, шок от переезда вызвал что-то вроде ступора, омертвения, а теперь я очнулся... Неудобная баня, сортир во дворе, скотина, однообразная работа на огороде – они мучили, надоели, вызывали почти ненависть и отвращение. Внешне ничего не изменилось, но я был убежден: еще месяц такой жизни – и я не выдержу. Я, без всяких пока видимых причин, снова превратился в городского человека, которому чужды, непонятны сельские заботы, который брезгливо поглядывает на этих людей и сторонится их, грубых, неумытых, туповатых...

И вот в субботу двадцать третьего августа я решился объявить родителям, что завтра хочу съездить в город, позвонить Володьке, узнать насчет билетов.

Они отреагировали спокойно, даже слишком спокойно. Отсчитали из шкатулки полтора миллиона.

– Зачем так много?! – Я сунул руки за спину – не возьму, дескать, столько.

Мама удивилась:

– Ну а как? На билет, на джинсы! Подстричься. Сумку бы надо новую, это тоже тысяч сто пятьдесят... Может, и бритву, у вас ведь с отцом одна на двоих...

Согласно кивая, я принял толстую пачечку. А на другое утро в половине девятого был у сельмага на остановке, щелкал мягкие, сладковатые семечки, выковыривая их из подсолнухового блина.

Давно я не ездил в город – меня туда и не тянуло. Хотя и маленький он, напоминающий скорее поселок, но по сравнению с нашим Захолмово в полсотни дворов совсем другой мир. Силы вытягивает своей суетой, светофорами, расстояниями почище любой деревенской работы. И возвращался я оттуда всегда с раскалывающейся головой, опустошенный, разбитый, хотя и считал этот день, день в городе, выходным.

Сегодня получилось иначе. Я сразу почувствовал и в себе и в городе нечто новое, что тут же объединило нас, почти сдружило. Выйдя из автобуса возле универмага, попав в энергичный городской ритм, я смутился подсолнуха у себя в руке и бросил его в урну. Купил пачку «Союз – Аполлон» вместо «Примы», которую курил все последние годы, и, вставив меж губ фильтровую сигарету, пошагал к главпочтамту, где находился и междугородный телефон.

Достал из бумажника Володькину визитку (далеко уже не свежую, оттого что частенько мусолил ее, читал надписи, номера телефонов), набрал «8», код Питера и еще – семь цифр его домашнего телефона.

Долго, казалось, очень уж долго ждал, вслушиваясь в какие-то далекие шорохи, вспiski и трески, и наконец в ухо влился первый длинный гудок. Второй, третий, а потом Володькин, но какой-то ненастоящий, неживой голос сказал: «К сожалению, меня в данный момент нет дома. Свое сообщение вы можете оставить после сигнала». Мгновение тишины и вот перезвон механических колокольчиков. Я почувствовал, как вспотело ухо, увлажнило равнодушную трубку; язык не шевелился, я смог лишь невнятно промычать, невнятно и озадаченно. «Спасибо!» – ответил тот же ненастоящий голос Володьки и вслед за ним торопливо запикало.

Я вышел из душевой кабинки, повторяя одно и то же: «Вот и всё... вот и всё...» Почему-то позвонить в офис или на сотовый я не додумался. Маленькая, случайная неудача – не застал, видите ли, Володьку дома – показалась мне глухой, несокрушимой стеной. Новая, такая вроде бы близкая жизнь, поезд, Питер, череда интересных открытий вдруг растворились, за ними же открылось: пустой, унылейший огород в октябре, ледяные, до костей пронимающие порывы ветра, почерневший, погрубевший целлофан, который нужно аккуратно снять с теплиц, свернуть в рулончик и спустить в подпол, чтоб на будущий год в апреле накрывать им грядки с ранней редиской; пятнадцать соток картошки в поле, которую нужно выкопать, просушить (ведь обязательно во время копки будет лить дождь), тоже спустить в подпол, чтоб зимой доставать и есть; монотонная шваркотня пилы по бревну, ко-

торое нужно разделить на чурки, затем расколоть и сложить в поленницу, чтоб в морозы печку топить; семь походов к колодцу, чтоб затаскать баки и чаны в бане и потом помыться... И еще куча разнообразных и в то же время отупляюще однообразных дел, из которых состояли прошедшие пять лет и будут состоять следующие... Да нет! Я же почувствовал возможность вырваться и как-нибудь обязательно вырвусь... Сесть в поезд, а там будь что будет.

И все три часа, стоя в очереди к железнодорожной кассе, я был уверен, был бесстрашно уверен: купив билет, освобожусь. Единственное, что теперь заботило – хватит ли? Ведь вон сколько людей, облепили все три окошечка, растянулись по залу извилистыми змеями. Все едут куда-то, и едут, скорей всего, туда, на запад, в сторону Свердловска, Москвы, Питера. Достанется ли и мне билет? Маленький, спасительный кусочек бумаги...

В конце концов передо мной больше нет ни одной спины, и я смело объявляю кассирше:

– Один до Петербурга. Плацкарт.

– Число?

– А? – я растерялся. – Ну... там... на двадцать восьмое... Да, на двадцать восьмое.

Молодая женщина с серьезным, бледным лицом, постукивая по клавишам компьютера, смотрела в невидимый мне экран, и мне казалось, там, на экране, горит разноцветием тот яркий мир, и сама кассирша на его пороге, и вот-вот впу-

стит меня.

Ошалело, не веря, я изучал, проверял оранжевенькие листочки, читал свою фамилию «Сенчин», старался запомнить номер поезда, место, время отбытия и прибытия, время в пути... Каких-то семьдесят пять часов – и я в Москве, а потом всего лишь семь с половиной от Москвы до Питера. Совсем, совсем ничтожные цифры, если сравнить их с другими, тысячами часов, что когда-то проторчал я в армии, потом – в скучной, бесцветной деревне Захолмово.

Ехал домой в тесном, набитом людьми «ПАЗе», сдавленный влажными от пота телами, но почти не испытывая неудобств. В нагрудном кармане рубахи, застегнутом на обе пуговицы, лежали билеты, а в новой дорожной сумке были новые, за триста пятьдесят тысяч рублей, черные джинсы «Diог». Я подстригся, купил электробритву, зубную щетку, отбеливающую пасту «Аквафреш», и сам казался себе новым, свежим, отбеленным. Голова не болела, не чувствовалось никакой опустошенности, тяжести. Город сегодня снова принял меня.

– Ну как? – с несколько натужной бодростью спросил отец, поднимаясь с корточек; он обрезал усы виктории.

– Все нормально. Договорился, купил билет, – так же ответил я, так же бодро, но и слегка натужно.

– На какое?

И мой тон сам собой изменился, я сказал обреченно, точно бы не я был волен выбрать день отъезда, а кто-то прика-

зал мне купить именно на это число:

– На двадцать восьмое.

– Значит, четыре полных дня осталось.

– Да...

Отец достал сигарету, размял ее черно-зелеными от земли и травяного сока пальцами, закурил. Посмотрел на огород, на пруд, дальше, на тот берег с избушками, заборами, сараюшками; на невысокую, поросшую осинником гору; куда-то еще за нее, где далеко-далеко были другие деревни, огромные города, незнакомые люди, их своя, незнакомая жизнь...

– Что ж, – вздохнул, – надо до этого времени в бор помогаться, дров привезти.

– Съездим, конечно! – отозвался я поспешно, обрадованный столь будничными словами, заботами отца; судя по его взгляду, он собирался сказать другое.

Перед рассветом падал густой, плотный туман и укрывал собой деревню почти до полудня. Хотелось вытягивать руки и, разбивая его, как какую-то беловатую воду, поплыть. Предметы выступали размытыми пятнами, даже самая обычная крыша представлялась башней сказочного средневекового замка. Звуки становились глухими и приходили точно издалека, точно захлебываясь и преодолевая многочисленные препятствия.

Каждый день мы ездили с отцом за дровами. Забирались подальше в лес – вокруг деревни давно уже все было вычи-

щено, вытаскано на руках, вывезено на машинах, мотоциклах, телегах соседями да и нами самими – и собирали валежник и сухостой.

Пока отец обрубал сучки, я бегал поблизости, срезал найденные грузди, маслята, рыжики в пакет, а в ведро ссыпал наскребанные со мха розоватые, только еще поспевающие ягодки брусники... Ох как тянуло походить по лесу не спеша, почти крадучись, осторожно, высматривать грибы, как охотник пугливую добычу, очищать кочки от брусники до последнего розоватого шарика, слушать шелест умирающих листьев, дышать ароматом перезревших лесных трав, но времени не хватало, и я торопился вперед и вперед, ломая ветки, разрывая лицом сети паутин, и каждую секунду прислушиваясь, не сигналит ли из «Москвича» отец, кончив свою работу.

Когда раздавался гудок, я мчался на него, судорожно, на ходу подбирая грибы, не глядя, червивые или нет (мама потом разберется), цепляя пятерней самые соблазнительные гроздья брусники. Да, времени не было, дома ждали другие, никогда не переводящиеся дела. И чем ближе подходил мой отъезд, тем неотложней становились они; ведь не только мой отъезд приближался, приближалась и осень, новые атаки дождя, первые заморозки, а там уж вскоре и снег...

Медленно поддается зубьям толстый, почти что железный комель березы; пила шваркает по нему бесяще нудно, словно бы по одному месту, не углубляясь, не находя зацепки,

лишь по чуть-чуть соскабливая меленький, желто-розовый древесный песок. Ручка пилы обжигает, и моя ладонь тоже горячая, она натерлась, кажется, сейчас кожа лопнет, порвется, – спасают мозоли.

Мы работали молча, напряженно глядели на распил в стволе, мы как будто гипнотизировали упорный комель, заставляли размякнуть, не сопротивляться, ведь все равно наше упорство его победит.

И вот отвалилось полуметровое, с толстой окостеневшей берестой бревешко, а дальше, ближе к вершине, пойдет легче. После березы уже подготовлен подгнивший ствол сосенки, он и вовсе как масло, но и жара от него будет не шибко...

Напиленные метра по полтора, а толстые – и того короче бревна водружаем на прогнутый, много чего за свой век повозивший багажник над крышей «Москвича». Несколько коротеньких чурок помещаются в задний багажник, еще кое-что в салон, на место убранного перед поездкой заднего сиденья.

– Неплохо, – устраивая пилу меж бревешек произносит отец, – недельки на две-три добыли. Завтра, даст бог, еще...

Осевший, загруженный под завязку «Москвичок» через силу ползет по лесному проселку, поддоном шлифует бугор меж колеями.

– Так, глядишь, помаленьку и на всю зиму навозим, – продолжает отец успокаивать себя и меня. – Уголь-то еще неизвестно, будет, нет. Заказ сделали, но даже ветеранам пока,

слышал, не возят...

Отдаю маме грибы и ягоду, она радуется:

– О-о, ну и грузди! Один к одному, как на подбор. И брусника какая крупная в этом году!.. – И тут же слегка досадует: – Жалко, мне всё в бор выбраться не получается. Денек бы побродить хорошенько. Ведь опять упустим, а так хорошо с брусникой зимой, с грибами солеными... Но как? Весь день на ногах сегодня опять, а что успела? Обед приготовила, лук повыдергала из грядки, сушить разложила, помидоры перебрала, в доме хоть прибралась маленько...

Я тоже досаую, что не могу спокойно, основательно, с раннего утра, вооружившись ведрами, торбой, ножом, в высоких резиновых сапогах, штормовке забраться подальше от деревни, куда другие не доходят, а к ночи вернуться, согнувшись под тяжестью добычи, усталым, счастливым. Но досада эта сейчас почти лживая, в глубине души мне все равно, ведь я не увижу в подполе ровные ряды банок с грибами и засахаренной брусникой, не похлопаю удовлетворенно свежую, выше моего роста поленницу; я не обмакну в декабре маленький, аккуратненький рыжик в жирную, желтоватую сметану, не обогрею морозным днем избушку теми дровами, что сейчас запасаю.

Совсем скоро я отсюда уеду. Уеду далеко, а когда вернусь? Если все сложится удачно, то, может, и не вернусь. По крайней мере – как хозяин...

В последний вечер слегка попрепирался с родителями. Мама, суется, волнуясь, накладывала на диван все новые и новые вещи, лишние, совсем мне не нужные там, куда я отправлялся: ложки, вилки, чашку, тарелку, три полотенца, зимнюю куртку (пробовал уместить ее в сумке – заняла почти всю), стопки выглаженных маек, трусов, рубашек...

Я сопротивлялся:

– Да зачем мне все это? Что я, в тайгу, что ли, собираюсь? И как потащу... тут на два баула...

– Ну а как же? – запыхавшись, свистящим голосом отвечала мама. – Сменное белье должно же быть, посуда, еда в дорогу...

– Но ведь не столько же. – Я стал отбирать самое необходимое.

– Понятно, что налегке лучше, – остановил отец, – а потом что делать? Ведь все сразу не купишь. Я тут на чердаке сумку нашел. Старая, правда, но еще крепкая. Почистили, вроде не стыдно ее взять. И вместительная. Надо, Роман, иметь при себе кое-какой багаж. А то получается – вот он я, заявился, подарочек.

Мама тоже поднадела, а я не сдавался. Не было у меня никакого желания представать перед Володькой этаким каликой переходим, увешанным мешками, чайником, со сверну-

тым матрацем за спиной... Да и когда я встречу с Володькой? – ведь я ему так и не позвонил, не сообщил, не договорился. Может, придется и на вокзале заночевать...

Но сама причина размолвки, пусть небольшой, почти обычной в семейных буднях, была даже не в том, брать столько-то вещей или меньше, а в раздражении, страхе неизвестности, что там ожидается дальше. Я, как ни крути, откалывался от родителей, и они стремились, наверняка подсознательно, сделать мою часть наследства... не наследства, – как назвать? – побольше. Пустить дальше с запасом хотя бы самого нужного.

И утром, после плотного завтрака и трех рюмок водки «на дорожку», за час до автобуса, в самый последний момент, отец достал из шкатулки почти все, что там скопилось, протянул мне:

– Вот, Роман, три с половиной миллиончика. На устройство.

Я, конечно же (и уже как-то привычно), возмутился:

– Зачем столько?! Я же работать еду, не на курорт! Миллиона хватит за глаза. У вас тут у самих расходов...

– Держи, и давай без споров, – теряя спокойную интонацию, перебил отец. – Мы дома как-никак остаемся, а тебя непонятно пока что ожидает. И будь там поосмотрительней. Работа работой, но в авантюры старайся не ввязываться.

– И с незнакомыми никуда не ходи, – добавила мама почти плачущим голосом. – Тут показывали – парень из Кемерова

в машину к каким-то сел, они его усыпили, а очнулся в Чечне... — И, видя, что я все еще не решаюсь принять деньги, она фальшиво-испуганно затараторила: — Ой, выходить же пора! Автобус бы не пропустить. — Сунула мне в руки новенькие коричневые плавки с синей и белой полосками по бокам. — Вот я тут кармашек пришила с пуговкой, деньги сюда положи. Все надежней, а то ведь в поездах теперь чего только не бывает — жулик на жулике...

С деньгами и плавками я оказался в своей комнатухе. Бурча, что все это глупости и что столько мне совсем не нужно, переоделся, спрятал в кармашек три миллиона, а остальное сунул в джинсы. Родители ждали на кухне, держа в руках дорожные сумки.

— Подумай, ничего не забыл? — полувелела-полуспросила мама.

Я огляделся, подумал... А что я мог здесь забыть? Паспорт, билеты, Володькина визитка были при мне, бритва, зубная щетка, еда — в сумках... Что бы еще такое взять с собой? Какую-нибудь книжку из домашней библиотеки? Безделушку, знакомую с детства?... Нет, ни к чему не потянулась рука. Не надо цепляться за старое, оно только мешает. И я мотнул головой:

— Ничего.

— Н-ну, — отец повернулся лицом к двери, — тогда пойдемте.

Рядком на бетонной завалинке, подложив под зады газеты и дощечки, сидели старухи и старики, кто с потертыми сумочками из искусственной крокодильей кожи, кто с цветастыми пакетами, другие – с мешками и ведрами (скорей всего, на базар торговать собрались). Поблизости, не спеша, убивая время, прохаживались более молодые. Пацаненок лет шести, в модной, будто надутый воздухом куртке, грыз, морщась, маленькое, явно в здешних краях выросшее яблоко.

На наше «здравствуйте» никто особо не отозвался, а некоторые и вовсе сделали вид, что не расслышали. Да и, правду сказать, отношения у нашей семьи с местными далеко не теплые. Нет ни друзей, ни хороших знакомых; в гости пригласить некого и сходить – тем более... За глаза, знаю, нас называют «китайцами», наверное, из-за того, что целыми днями ковыряемся в огороде, выдумываем разные хитрости, чтоб побыстрее созрел урожай и было его побольше; несколько раз наезжали к нам люди из энергонadzора, проверяли, нет ли в теплицах обогревателей, не находили (они у нас надежно замаскированы) и, подобрев, рассказывали, что их завалили жалобами – мол, сжираем мы немеряно электричества...

Родители мои на пенсии, хотя по возрасту еще вроде как не подходят; дело в том, что та республика, где жили до переезда сюда, приравнена к районам Крайнего Севера, и пенсия там у женщин с пятидесяти, а у мужчин с пятидесяти пяти, да и размер этих пенсий выше, чем у многих здесь...

В общем, поводов для неприязни хватает.

Среди молодежи у меня тоже друзей не нашлось. Сначала, в первое лето, приятели, кажется, появились, по вечерам я ходил в клуб на танцы, кино посмотреть, с девушкой одной стал встречаться, на вид довольно-таки симпатичной; но потом понял, какая разница между мной и деревенскими. Не знаю, кто лучше, кто хуже, но огромная разница. Совсем разные мысли, интересы, разговоры, даже набор слов... И постепенно я перестал с ними общаться; приятели тоже потеряли ко мне интерес, девушка задружила с другим, о клубе по вечерам я не вспоминал, а смотрел телевизор или перелистывал книги, которые до сих пор, как колонны, громоздятся в моей комнатухе... В городе я бывал редко, там тоже ни с кем особенно знакомства не свел. Хотел было попытаться поступить в пединститут, но все тянул, а в двадцать пять лет становиться абитуриентом показалось мне глупо... Так что никого и ничего не жалко было оставлять здесь, разве что родителей. Хотя рано или поздно оторваться необходимо...

Почти по расписанию подкатил маловместительный «ПАЗик», и сегодня не возникла у его дверей толкотня, не слышалось перебранок, – день будний, пассажиров немного, сиденья, кажется, достанутся всем.

Водитель проверял пенсионные удостоверения, принимал плату, выдавая взамен билетики. Мы стояли в стороне, чего-то ждали. Глядели на уменьшающуюся кучку людей у автобуса и молчали. И лишь когда уже и мне пришло время

достать из кармана деньги и протянуть водителю, мама скороговоркой посыпала:

– Сообщи сразу же, как приедешь! Слышишь, Рома? В поезде ни с кем не выпивай, не играй в карты, ради бога! Будь осторожней. Слышишь?.. На станциях что попало не покупай, всякая зараза там может... Береги себя, сынок! Слышишь?..

Я машинально кивал, глядя то в землю, то на водителя, про себя торопил его поскорее сказать: «Ну, поехали, время!» И вот он, запустив всех, покручивая в руках рулончик билетов, объявил:

– Отъезжающие, заходим. Пора!

Я пошел к «ПАЗику», мама продолжала напутствовать, борясь со слезами, отец, побряхтывая, глубоко затягивался сигаретой и шурился...

Поезд из Абакана отходил неудобно – во второй половине дня. Пришлось долго сидеть на скамейке возле перрона, обложившись сумками, ждать. Впереди, я помнил, многочасовой, нудный отрезок пути по территории Хакасии, где поезд тормозит на каждом полустанке, зачем-то подолгу стоит, изматывая пассажиров. Это потом, уже под утро, он выберется на Транссиб – в Ачинске, – тепловоз заменят электровозом, и защелкают километры, как семечки, и каждая остановка станет значимой, радующей, приближающей к цели, к концу вагонного мытарства. Люди заранее будут гото-

виться выйти на воздух, поразмяться, купить чего вкусненького и удивляться: «О, уже Свердловск! Ну, прощай, Европа, счастливо!.. Что это, Тюмень?! Здорово, Сибирь!.. Ух ты, Новосибирск! Уже, считай, почти дома...» Нет, что я! Теперь наоборот, теперь все наоборот – Новосибирск, Тюмень, Свердловск, Москва. А потом – Питер.

Первый раз я увидел поезд почти в восемнадцать лет в Ленинграде, на Московском вокзале, и с тех пор частенько после занятий в училище приезжал туда, покупал парочку семикопеечных пирожков-тошнотиков, – жирнющих от растительного масла, с хрящеватым ливером внутри, – и смотрел, как отходят и подходят составы, вдыхал смесь из запахов сгоревшего угля, пыльных одеял, чего-то тухловатого, и эта смесь представлялась мне ветром дальних дорог... Я разглядывал усталых, измотанных многодневной поездкой людей с тяжелой ношей, как каких-то инопланетян; проводники казались мне счастливыми, столько повидавшими избранниками судьбы, а сам поезд – намного таинственней и притягательней самолета.

К самолету я привык, знал его с детства. Ведь та республика, где я прожил первые семнадцать лет, отрезана от остальной России цепями Саянских гор, железную дорогу туда никогда строить всерьез не планировали, – автомобильный тракт, километров четыреста, и тот пробивали несколько десятилетий... Автомобиль или самолет – единственные средства передвижения, чтоб оказаться по ту сторону гор. И

самолет в семидесятых-восемидесятых годах был доступен многим – на ежедневный рейс Кызыл – Красноярск билетов было часто не достать...

Родители по работе время от времени летали в Красноярск, брали с собой и меня. Потом, уже самостоятельно, я летал к бабушке в Шушенское на «воздушном такси» за тридцать рублей, и, наконец, после школы, быстрым, двухсалонным «Илом», с кормежкой, прилетел в Питер вместе с Володькой, чтоб через три месяца загреметь в армию... А спустя два с половиной года, в декабре девяносто первого, возвращался домой поездом, на верхней полке плацкартной кушешки. Почти четверо суток.

И вот снова поезд, снова плацкарта, снова впереди почти четверо суток пути. И что там меня ждет, через эти четверо суток...

Медленно, словно бы нехотя, как-то сонно постукивая колесами о рельсы, на ближайшем к вокзалу пути появился длинный голубовагонный состав. Растянулся, не показав мне хвост и спрятав голову за одноэтажным домиком с непонятной вывеской «ДС-14», остановился, затем, будто спохватившись, что встал не совсем правильно, дернулся, громыхнув стыками вагонов, прокатился еще несколько метров и снова замер. Подумал, прошипел что-то, то ли умиротворенно, то ли ворчливо.

На стене вокзала висят большие круглые часы. Половина первого. Московское время. Там, на западе, только начина-

ется день, а у нас почти вечер – на четыре часа больше...

Как по команде, почти разом, стали открываться двери вагонов, за ними появились проводники, потягиваясь, зевая оглядывали перрон, вокзал, будущих пассажиров с их сумками, чемоданами, коробками. И люди на перроне, будущие пассажиры, глядели на поезд, свое временное жилище, ожидая объявления, разрешения вселяться, разложить вещи, сменить уличную одежду на домашние маечки, халаты, тапочки... И ехать, ехать, каждому по своим делам, но в основном, наверно, к месту оседлой жизни, к месту работы, раз в год лишь прерываемым отпуском. Вот он, кажется, у многих закончился, и пора начинать следующий сезон.

– Объявляется посадка на поезд номер шестьдесят семь, следующий маршрутом, – разрезал мелкие шумки мощный голос из громкоговорителя, – Абакан – Москва. Поезд находится...

Я вскочил, взвалил на плечо сумку и тут же одумался, поставил обратно. Сел, достал сигареты. Куда спешить? Ведь сорок минут до отхода, еще успею залезть в вагон, успею устроиться, еще успею там одуреть.

И другие, вздрогнув, дернувшись, тоже замерли, расслабились, успокоились – поезд подан, посадка объявлена. Все нормально, можно не нервничать, потянуть время, еще раз перекурить, сказать что-нибудь доброе и ободряющее провожающим; сказать с тем слегка высокомерным добродушием, что свойственно человеку, отправляющемуся далеко-да-

леко.

Выжженная шлаком, мазутом, черная неживая земля, гравий, пропитанные креозотом шпалы, а на них то отшлифованные до зеркальности, то заржавелые ленты рельсов. Сейчас их много, они сплетаются, пересекают друг друга, расходятся в стороны, обрываются холмиками тупиков; на них стоят вагоны, тепловозы, цистерны, товарняки. Да, сейчас рельсами, кажется, занято все на много километров и влево и вправо, но скоро они соединятся, сольются, как ручьи, в одну полноводную реку и лишь время от времени, словно протоки, будут делиться разъездами, превращаться в разливы станций.

Посадочная суeta постепенно стихла, люди рассовали свою поклажу под сиденья, на третьи полки; тут же многие ее доставали, найдя или не найдя что-то нужное, убирали снова. И вот удовлетворенно уставились в окна, привыкали к движению, к соседям, к неизбежным неудобствам и тесноте. Некоторые принялись за еду, выгрузив на стол неприменный дорожный набор: морщинистая копченая колбаса, яйца вкрутую, огурцы, помятые, потекшие помидоры, толстыми кусками нарезанный хлеб, газировка или пиво и, естественно, добротнo зажаренная курятина...

Мне тоже хотелось перекусить, ведь полдня протомился на привокзальной скамейке, но сумку с продуктами я опрометчиво – по примеру других – сунул под сиденье, а теперь

лезть за ней, беспокоить соседей было неловко. Да и само поглощение пищи в окружении посторонних меня с детства стесняло. Будто я делаю нечто постыдное... Правда, в армии это исчезло, там все приходилось делать на людях: есть, мыться, ходить в туалет, одеваться и раздеваться, — но зато за пять последующих лет, когда общался в основном с родителями, я снова отвык от людей, даже слегка стал их побаиваться, разговаривая, порой даже не мог понять, о чем они ведут речь... Хотя это просто мои личные комплексы, моя беда, — надо привыкать, ведь впереди ждет большой мир, сотни незнакомцев окружают меня, и, если увидят, какой я на самом деле, это, конечно, не пойдет мне на пользу. Кому я буду тогда интересен? Необходимо научиться быть смелым и коммуникабельным, уверенным в себе, как уверен в себе Володька, как тысячи подобных ему, понявших, как надо правильно жить, парней. Володька предложил мне работать, а значит, общаться с людьми, располагать их к себе, к товару. А какой сейчас из меня располагатель? Я сижу, сгорбившись, в углу и исподлобья зыркаю по сторонам, опасаясь встретиться глазами с попутчиками. Нет, это не дело. Сейчас распрямлюсь, улыбнусь открыто, что-нибудь сказану, как положено нескучному, симпатичному попутчику, а потом попрошу соседей приподняться и достану пакет с продуктами. Буду есть аппетитно, вкусно, чтоб у всех потекли слюнки... Ну-с!.. Только сперва схожу в тамбур, выкурю сигарету...

Потихоньку поезд выбирался из Абакана. Из довольно

большого города, вблизи которого я прожил пять лет, но почти не узнал его, не изучил, не увидел, чем он отличается от других городов, где побывал я за свою жизнь. Да и отличается ли он чем-то?..

Помню, в школе я очень увлекался географией, правда, увлекался довольно странно: у меня был толстенный атлас мира, карты на сотнях страниц. Каждое государство, каждый островок в каждом из четырех океанов, каждый штат Индии, каждая область СССР были там представлены подробно, до последнего, может, уже и не существующего поселения. И вот в чем странность – разглядывая карты, читая названия городов, я и не старался представить, не осознавал, что вот этот кружок – Тура, – или этот – Благодарный, – состоят из домов, людей, мест отдыха, что в них есть нечто особенное, чем они не похожи на другие плоские кружочки на пятнистой, веселящей глаза, но тоже плоской, идеально плоской карте... Лишь несколько кружочков, несколько названий рождали в голове ассоциации, – я там бывал, кое-что увидел, запомнил, или узнал из книг, из фильмов, передач, рассказов родителей.

Красноярск – там на горе стоит часовня, древняя, кажется, построенная казаками-первопроходцами, и я пацаном все пытался рассмотреть сквозь забитые железными листами оконца, что внутри, – вдруг лежат кучей кривые сабли, пищажи, расшитые золотой нитью кафтаны... А про Лондон я много читал. Особенно у Диккенса. Ядовитые туманы, ла-

чуги с погребями-ловушками, куда спихивают трупы ограбленных; полчища нищих, самых опустившихся, самых грязных, голодных нищих на свете, и тут же – представители благопристойных британцев, самых чистых и чопорных, пунктуальнейших в мире людей... Москву я чуть ли не каждый день видел по телевизору, и все равно она не была живой, населенной, а казалась скорее огромным музеем. Музей – Красная площадь, музей – Третьяковская галерея, музей – Останкинская башня, музей – Елисеевский гастроном... Купаясь в Амуре под Благовещенском, мой отец хорошо видел купающихся у противоположного берега китайцев, которые что-то, наверняка оскорбительное, кричали ему (это было в конце шестидесятых) и даже кидались камнями... О Ленинграде мне много, с раннего детства, рассказывала мама. Она там побывала однажды, лет в двадцать, влюбилась в этот город и передала свою любовь мне. Под ее рассказы я гулял по Невскому, по набережным каналов, любовался Новой Голландией, замирал перед Рембрандтом и Гогеном в Эрмитаже, сидел в уютных кафе на Васильевском острове... Потом были книги, множество книг, где главным героем был Петербург-Петроград-Ленинград, и даже самые мрачные рисовали этот город для меня притягательно, таинственно, как-то родственно; я даже отвел для таких книг специальную полочку, составив в ряд Гоголя, Достоевского, Пушкина, Блока, Леонида Андреева, Ахматову, Андрея Белого, Горького, разные исторические труды, путеводители, стихотворные

сборники вроде «Петербург в русской поэзии». К стенам моей комнаты были приколоты открытки с видами Летнего сада и Петергофа, репродукции картин, что висят в Русском музее и Эрмитаже... И после окончания школы я, конечно, уехал туда. Первый раз, и совсем, как получилось, ненадолго. Сейчас представился случай снова попробовать. Я на восемь лет старше, мне есть теперь к кому ехать, у кого искать поддержки, кто обещал дать мне работу. Может быть... да нет! — должно, должно получиться.

Семьдесят пять часов. Семьдесят пять часов, и это только до перевалочного пункта, до Москвы. Три дня и три ночи. Меняется погода, пейзаж за окном, меняются соседи по тесному пеналу плацкартного закутка... Делать нечего. Лежать на верхней полке, пытаюсь дремать или исподтишка разглядывая людей, быстро надоедает, и я жалею, что все-таки не взял из дому какую-нибудь интересную книгу, такую, чтоб затянула, и трое суток пролетели незаметно, да еще чтоб дочитывать, мысленно умоляя поезд замедлить ход, оттянуть момент, когда надо будет покинуть вагон, окунуться в бурный, хлопотный мир... Но книги нет, приходится подышать со скуки. Да и какая настолько увлечет, что заслонит мои мечтания о скором будущем?..

Иногда по узкому проходу прошлепывают симпатичные девушки куда-нибудь в тамбур или туалет и обратно, и те несколько секунд, пока вижу их, одетых так по-домашнему, таких близких, распаренных духотой вагона, отводят шершавые лапы скуки, зато колет тоска. Ведь я не отважусь ничего сказать им, тем более – познакомиться, я могу лишь тайком поглядывать на их гладкие, стройные ноги, на милые лица... Зато есть смелость воображать. Как приеду, устроюсь, как у меня будет достаточно денег, квартира, и тогда любая девчонка станет моей.

Ближе к вечеру, на вторые сутки пути, в Новосибирске, население нашего вагона сменилось почти что полностью. Вместо уже вроде обжившихся, примелькавшихся людей появились шумные, крепкотелые, закаленные путешествиями, с огромными, в синюю и красную полосы баулами. Поругиваясь и тут же пересмеиваясь, они распихивали ношу куда придется и, сняв обувь, без промедлений ложились на голые верхние полки или усаживались на нижних, облегченно отдуваясь. Воздух наполнился названиями городков и станций: «Чулымская... Барабинск... Куйбышев... Чаны... Татарск...» А в ответ текли ворчливые, брезгливые шепотки старожилов вагона: «Челночники... спекулянты... заполонили все, как проходной двор, скажи...»

Мне, наверное, повезло. В моей купешке не произошло особенной суеты, хотя все трое соседей в Новосибирске сошли. Но на их месте обосновался только один челночник, точнее, челночница — немолодая, хотя и более-менее еще привлекательная женщина, не такая крикливая и нахрапистая, как ее коллеги, — спокойно уложила баулы средней величины под нижнее сиденье, придавила крышку задом, выложила на стол билет, не дожидаясь появления проводницы.

Еще двумя новыми попутчиками оказались пожилые мужчины, мясистые и помятые, в неновых, потасканных костюмах, но зато со свежими, яркими галстуками на груди; с портфелями. Наверняка командировочные, какие-нибудь низшие начальники, которые не могут позволить себе про-

катиться в нормальном купе...

– Н-ну-ф-ф, – протяжно и сложно выдохнул один, темно-волосый, густобровый, устраивая раздутый портфель рядом с собой. – Наконец-то...

– Да-а, – удовлетворенно произнес второй, поменьше, хилее, с двумя глубокими залысинами; и, тоже усевшись, проверив что-то во внутреннем кармане пиджака, полушепотом предложил: – Что, давайте?

Густобровый мотнул головой:

– Погоди. Тронемся, тогда уж, спокойно.

Второй вроде бы согласился, отвалился к стене и прикрыл глаза, но через минуту встрепенулся:

– Нет, нельзя тянуть – остыну, с мысли собоюсь. Давайте, Юрий Сергеич!

– Можно и так пообсуждать.

– Да как так-то? Там, на перроне, там нервы были: придет – не придет, влезем – нет, а теперь...

– Успокоились? – хохотнул густобровый.

– Н-так, новый стимул нужен. Допинг, так сказать.

– Вот-вот, в том-то и дело, что на все нам допинг...

Поезд дернулся, чуть катнулся вперед.

– Уже поехали? – лысоватый с надеждой потянулся к окну.

– Да не, локомотив подогнали. Или какие-нибудь прицепные вагоны. – Не спеша, посапывая, густобровый стал снимать галстук. – Этот здесь с полчаса стоит.

Я посмотрел со своей верхней полки в сторону выхода. Свободно, все, кому надо, видимо, влезли, отыскиали свободное место.

Что ж, выйти, поразмять кости, выкурить сигаретку? Новосибирским воздухом подышать... С Новосибирском у меня кое-что связано – он мог стать мне очень близким городом, но не сложилось.

Дело в том, что после окончания школы, подумывая, куда пойти дальше учиться, я узнал: оказывается, в нашем пединституте принимают экзамены и в Новосибирский университет. Были раньше такие наборы – из национальных республик посылали целые группы учиться в престижные вузы. И экзамены льготные – прямо по месту жительства, принимают их тоже местные преподаватели... Я хоть и не представитель коренной национальности, все же был допущен. Тогда, в восемьдесят девятом, национальность еще не была главным, главным было место рождения и проживания. Это потом русских, то есть всех «некоренных», стали заменять «коренными». От продавцов в государственных магазинах до директоров заводов...

С детства я увлекался географией и историей. Сперва перерыв был на стороне географии, но поехать по миру не удалось, а узнавать про дальние края из книг и телевизора, изучать атлас мира вскоре показалось мне пустым занятием, самообманом. И тогда я переключил свой интерес на историю. Собирал книги, хроники, составлял карты крестовых

походов и завоеваний Кортеса, знал подробности Семилетней войны и Медного бунта; из разрозненных источников пытался выстроить подробный ход Ледяного похода и Новороссийской катастрофы 1920 года... (А какие доступные источники, кроме «Тихого Дона» и «Хождения по мукам», мог иметь обычный советский подросток в то время?..)

Родители, конечно, поддержали мое желание поступить в университет на исторический факультет, и я, почти не обращая внимания на недоумение Володьки по поводу того, что предаю нашу с ним мечту о Питере, подал документы... За первый экзамен – история СССР – я получил пять, а за следующий – сочинение – 4/2. На два оценили грамотность... Узнав о провале, я почему-то совсем не расстроился, не подумал, что теперь-то наверняка попаду в армию, а первым делом позвонил Володьке и радостно сообщил: «За сочинение – пара. Еду с тобой!»

Потом, слушая в строительном училище лекции о технологии замеса бетона, несущих стенах, декороблицовке, и тем более на первом году службы, я, конечно, жалел, что так небрежно написал то сочинение, что не использовал шанс... Новосиб, универ, Академгородок – там, наверное, так интересно, и ребята – не эти будущие маляры и штукатуры, не горластые кретины с погонами на плечах; я бы мог стать ученым, специалистом по истории, например, Хакасского каганата, державы татаро-монголов. А вот вместо этого учусь класть кирпичи, марширую по три часа подряд, «тяну нож-

ку», выворачиваю шею по команде «р-равняйся!». Да, ведь мог бы вместо этого...

Но постепенно о несбывшемся подзабылось, досада слегка притупилась. После армии грянул переезд, наступила деревенская жизнь; связки книг по истории лежали нераспечатанными вот уже без малого пять лет, и лишь изредка, когда взгляд попадал на какой-нибудь корешок с надписью «История Средних веков. Том 2» или «Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России», в груди что-то сжималось и кололо и мерещился никогда не виденный университет, слышался никогда не слышанный голос профессора... Но только что толку – слов не разобрать, здание университета расплывчато и бесцветно, а сорняки на грядках близки и реальны, и я бежал в огород, зло хмыкая, матеря побередившие душу книжонки.

И вот он – Новосибирск, за стеной вагона...

– Вы куда, молодой человек? – удивилась проводница, преграждая мне путь в тамбур.

– Покурить.

– Хм, проснулись! Через две минуты отправление... Почти час стояли, нет, надо обязательно в последний момент...

– Ясно. – Я пошел обратно.

Тронулись, и мои соседи незамедлительно расстелили на столе газету, достали из портфелей пакетики с беляшами, копчеными окорочками, выставили поллитровку «Зем-

ской», четыре бутылки пива «Сибирская корона», пластмассовые стаканчики.

Густобровый набулькал в стаканчики водки, сладостно выдохнул:

– Ну, поехали! Давай, Борис Михалыч!

– Можно? – усмехнулся тот, мягко чокнулся с попутчиком.

Выпили, глотнули вдогон водке пивка, взялись за беляши.

– Так чем же ты мне возражать-то хотел? – пожевав, спросил густобровый. – Чем тебе моя позиция не глянется?

Лысоватый, будто услышав команду, утер платком жирные губы, торопясь, воспламеняясь волнением, начал:

– Вот смотрите, Юрий Сергеич, вы, как я понял, за либерализм этот, за...

– Но – с оговорками! – тут же перебил его густобровый. – С оговорками!

– Угу, с оговорками, но все-таки... А ведь это же сказка – либерализм ваш. Для Швейцарии какой-нибудь он, может, хорош. Швейцарию, ее пальцем закрыл – и нету. А у нас по-серьезному... У нас – только державность! Можно даже сказать – тирания. Ведь мы, Юрий Сергеич, имперское государство!..

Я лежал на полке, глядел то в доступную мне щель окна, на широкие, светлые улицы Новосибирска, то вниз, на разговаривающих мужиков, то на забившуюся в угол челночницу, которая читала самозабвенно книжку Синди Гамильтон

«Проблеск надежды»...

Слушать соседей не было никакой охоты, их разговор точь-в-точь походил на споры, что возникали почти каждый раз, когда я ехал в автобусе в город или из города; часто подобные темы поднимал и мой отец; по радио и телевизору об этом рассуждать тоже до сих пор любили... Десять с лишним лет рассуждают, спорят, определяют...

– Вот гляди, Юрий Сергеич! – все возбужденней, приняв еще порцию «Земской», продолжал лысоватый. – Если в историю заглянуть, как получается... – Он хлебнул пива. – Заглянем?

– Хм, чего ж и не заглянуть? Валяйте.

– Так. Вот возьмем Ивана Грозного... Иван Грозный... Он гляди как Российское государство укрепил, расширил. Как врагов истреблял, без жалости, но – по делу. Опричнину ввел. Опричнина-то по идее полезной штукой была, это нам ее так подают, как разбойничье что-то... Да, много он крови пролил, чуть ли не самым кровожадным правителем считается, а на деле... После него этот пришел, Борис Годунов, послабления дал, о благе не целого государства, а отдельных людей стал заботиться. Ну, либерал, хе-хе, ранней формации. А после себя что оставил? Двадцать лет смуты. Лжедмитрии, поляки, Болотников – от них наверняка больше людей погубило, чем от Ивана Грозного... Так я мыслю, нет? – Лысоватый торжественно посмотрел на соседа, налил водки в стаканчики.

Я отвернулся к стене и натянул простыню на голову, и все-таки речь самородного аналитика упорно лезла в уши, а интересных мыслей, чтоб не слушать его, у меня не возникало.

– Или взять Петра Первого. М-м? Так сказать отдельные люди от его реформ криком кричали, население страны на четверть уменьшилось. Никакому Сталину такие цифры не снились! А в итоге Россия настоящую мощь обрела, империей стала. После него, правда, Елизаветы всякие, Петры Третьи чуть все не похерили, но они кто были? Либералы своего века... Екатерина Великая, спасибо, взяла в кулак. Поприжала. По-женски, правда, не особенно, но все ж таки... Из Пугачевых и Радищевых только брызнуло. Зато потом Александр, либеральчик, декабристов наплодил, а они, Юрий Сергеич, поверь, если б побоевитей были, погубили б Россию. В два счета погубили бы!.. Или Александра Второго с Третьим сравнить... Один либерал, другой – вояка, жандарм. Но при этом вояке за двадцать лет ни одной большой войны не случилось и революционеры притихли...

– Давай-ка я тебя перебыю, – наконец не выдержал густобровый. – С одной стороны, вроде все ты верно разложил, Борис Михалыч...

Колеса звонко застучали по мосту. Я откинул простыню, посмотрел в окно. Что здесь за река? Да к тому же такая... Шире Енисея раза в три... Хм... Вот тебе и увлечение географией! – забыл. Забыл, потому что не видел ее никогда вблизи, не трогал ее воду. Конечно, знал, на какой реке стоит

Новосибирск, но знал из карт, теоретически, а это, оказывается, недолговечно...

– Да, согласен, Иван Грозный сделал много полезного. И Петр, и даже Сталин. Только вот, понимаешь, Борис Михалыч, методы правления их кончались с их смертью. Умирали они – и все псу под хвост летело. Не Годунов, а Грозный смуту спровоцировал, Лжедмитриев, Болотниковых – только он своей тиранией. Методы Петра – засилие иностранцев, авторитет собственный – полувековую неразбериху, эти дворцовые перевороты. Они даже умерли одинаково – ни наследника, ни твердых законов, ничего, кроме их власти. Да и Сталин также... Крякали – и сразу черт знает что, бардак, переоценка ценностей... Понимаешь, Борис Михалыч, какие-то общие, непоколебимые законы быть должны, чтоб не под конкретного правителя были, а навсегда... Как в Англии. Вроде бы премьер у них главный, но над ним еще лорды, королева, традиции, веками проверенные. Традиция, порядок, понимаешь...

– Это не для России, – отверг лысоватый. – Англия теперь тоже превратилась в игрушку, не лучше Швейцарии. Выродилась со своими традициями.

– М-да... – вздохнул густобровый, помолчал, а затем слегка перевел разговор: – Сейчас почему такое время... шаткое... А потому что строй государства меняют, а о народе этого государства пока что забыли. Народ, который из отдельных людей, он побоку... Я вообще-то, ты знаешь, всегда

против коммунистов был, даже в партию, хоть и звали, не стал вступать, поэтому и остался, кем сейчас есть, и я рад, что их скинули... Отсюда – логически – и бардак. Но верю, что разберутся со строем, утрясут, а потом сделают и для человека нормальную жизнь. Главное, люди-то работать хотят, ищут работу. И скоро будет работа, скоро опять завертится, только теперь цивилизованно!..

– На, хе-хе, – осторожно засмеялся лысоватый, – на немецкую фирму работать будем. Сдадут нашу область, к примеру, на девяносто девять лет и, да, и закрутимся.

Интересно, кто они? В костюмах, купленных лет тридцать назад, при галстуках, лица и фигуры работаг. Язык начитанных плебеев. Раньше, по книгам, по фильмам, я видел такими прорабов, каких-нибудь начальников участков, снабженцев или экспедиторов. А теперь, в девяносто седьмом году?.. Неужели остались такие должности и такие люди, просто о них не пишут больше книг, не снимают фильмов. А они, оказывается, сохранились, они ездят в свои командировки, совещаются в каком-нибудь главке, пытаются выполнять план, получают выговоры или поощрения, а на досуге ведут «умные разговоры», размышляют, какой тип правителя для нашей страны предпочтительней.

Густобровый сошел в Барабинске, лысоватый – через полтора часа, вместе с челночницей, на которую они в пылу спора так и не обратили внимания, в Чанах. Появились новые пассажиры, с новыми сумками, книгами и журналами, новы-

ми проблемами, разговорами, а я все ехал, изнывая от скуки на своей верхней полке. По полчаса готовился спуститься и поесть; изредка выходил в тамбур курить. От безделья ныли привыкшие к работе мышцы, спать почти не получалось.

И все же конец трехсуточному заточению приближался. Чаше стали мелькать по сторонам дороги городки и села, ухоженной стала природа. Я с любопытством глядел в окно и читал названия станций: Нея, Мантурово, Галич, Буй... На десять минут мы остановились в Ярославле. Здесь уже по-настоящему цивилизованный перрон, – не надо спускаться по ступенькам из вагона, высота платформы – на уровне двери.

Я вышел, подрыгал затекшими ногами, через силу выкурил десятую за утро сигарету. Спросил у проводницы, когда будем в Москве.

– На двери купе проводников расписание, – сердито буркнула она, но тут же отчего-то подобрела, ответила вглядь: – Через пять часов приедем, бог даст.

– Спасибо.

Подсчитал, сколько придется ждать поезд на Питер. Он отправляется в двадцать один пятьдесят. Значит, шесть с лишним часов... Где провести это время? Не было бы сумок, прогулялся бы по столице – никогда ведь не видел ее, кроме площади трех вокзалов и станции метро «Комсомольская». (Возвращаясь из армии, как раз через Москву, сидел в мет-

ро на скамейке, боясь вокзальных залов ожидания.) Но ведь есть камеры хранения, – в прошлые времена, помнится, бросил в щель пятнадцать копеек и отдыхай без проблем налегке хоть двое суток. А сейчас, интересно, какие монетки надо бросать?..

– Заходим, заходим в вагон! – вдруг встревоженной наседкой стала сзывать нас проводница. – Стоянка сокращена!

И снова бег поезда, захлебывающийся перестук колес, мелькание станций, толпы людей на платформах в ожидании электричек.

В вагоне оживление. Сдают белье, роются в сумках, переодеваются в уличную одежду. Я тоже сдал наволочку, простыни, выбросил банку с остатками прокисшей вареной картошки, жирные пакетики из-под сала, курятины; переоделся в туалете, побрился. Постоял в тамбуре, выискивая взглядом столбики с указателями, сколько еще осталось до Москвы километров. «48», через минуту «47», «46»... Четыре с лишним тысячи километров позади, и вот – сухая ерунда.

– Подъезжаем? – бодро, будто товарищ по интересному, но опасному приключению, что вот благополучно заканчивается, спросил вошедший в тамбур сухощавый мужичок с пачкой «Явы» в руке.

– Да, кажется, – кивнул я и тут же уточнил: – Но мне еще до Питера.

– У-у, я тоже дальше, в Днепропетровск. Решил родителей повидать. – Он закурил. – Два года не выбирался, не по-

лучалось.

Я снова кивнул сочувствующе, а мужичок, видимо приняв мое кивание за готовность поговорить, продолжил:

– Тут всё грозятся визовой режим вводить, загранпаспорта... Какие загранпаспорта с Донбассом? Я там до двадцати семи лет прожил, потом на север рванул, бурильщик я... Вот пенсия скоро, думаю, чего делать. То ли к родителям возвращаться, дом там родовой наш, то ли уж в Юганске... А ты чего в Ле... – он кашлянул и поправился, – в Питер-то? На учебу?

– Нет, работать.

– У-у... Петербург, говорят, город красивый... не довелось, жалко, побывать...

– Еще побываете, – улыбнулся я и сам почувствовал, что улыбка получилась снисходительно-ободряющей.

Часть вторая

1

– Почему заранее не сообщил? – Мы ехали в Володькинском сто двадцать четвертом «Мерседесе»-купе (как он мне сразу же представил машину); на заднем сиденье равноправными пассажирами – сумки с моим добром, за широкими черноватыми стеклами машины плавно сменялись строгие, одноцветные здания Большого проспекта. – А если б меня вообще не было в городе?

– Да-а, – я виновато пожал плечами, – звонил пару раз, не дозвонился.

– На мобилу-то точно не звонил. Она всегда со мной.

– Что?.. – не понял я. – Что с тобой?

– Понятно. Ладно, все в порядке.

В Питер я приехал в шесть тридцать утра и сразу, как загипнотизированный, не чувствуя тяжести сумок, не заботясь о том, что надо найти Володьку, побрел по Невскому... Вот станция метро «Площадь Восстания» – знаменитый «Барaban», здесь я первый раз в жизни назначил свидание девушке, а она, классически, не пришла; вот кинотеатр «Художественный», куда мы с Володькой пробрались без билетов на премьеру «Интердевочки»; вот некогда любимое неформаль-

лами кафе, которое наконец-то обрело свое народное название «Сайгон», но зато превратилось в музыкальный магазинчик; вот Аничков мост со знаменитыми статуями (некоторые детали этих статуй я изучил досконально: услышав от кого-то, что на одном из конских яичек высечено лицо Наполеона, я часами его тщетно выискивал), на этом мосту я стоял в последний вечер перед тем, как отправляться в армию, уже лысый, и всерьез подумывал утопиться; вот Гостиный двор, где мы пытались с Володькой устроить бизнес на перепродаже дефицитных электромясорубок и кофеварок; Дом книги, возле которого я купил дефицитнейший тогда томик Набокова за двадцать пять рублей... Пестрая громада Спаса-на-Крови справа и сумрачный разлет колоннад Казанского собора слева... Котлетная на углу Невского и Мойки, центральный телефон, арка Главного штаба, Дворцовая площадь, неизменно нарядный Зимний... Дальше, по Миллионной вдоль Эрмитажа... Памятник Суворову в виде античного бога, Марсово поле; через Троицкий мост на тот берег Невы... И здесь мне все знакомо – конечно, Петропавловка, планетарий, Александровский парк; вон там «Аврора», вон виднеется напоминающий голубую трубу минарет мечети...

Очнулся я лишь в районе метро «Чкаловская» и стал звонить Володьке. Было около десяти утра, но нашел я его уже на работе.

Судя по голосу, он не удивился, просто спросил, где я, и через полчаса подъехал. Теперь мы гнали на его приземи-

стом, на вид полуспортивном «Мерседесе»-купе по Большому проспекту.

Я спросил, делая голос шутливым и приподнятым:

– Куда путь держим?

Володька ответил сухо:

– Ко мне.

Проскочили по какому-то мосту.

– Это мы теперь на Васильевском, что ли? – Я высунул голову из окошка.

– Ну да, на нем...

Мало обращая внимания на холодность Володьки, я ликовавал. Ведь я снова оказался на моем любимом Васильевском острове!

Здесь, в октябре восемьдесят девятого, устав от общажной житухи, притеснений туркменов-пэтэушников, мы с однокурсником (жалко, как звали, забыл) сняли комнату у старушки. Всего-навсего за пятьдесят рублей на двоих. Прожили там полтора месяца, а потом были выгнаны за то, что к нам в окно, на второй этаж, забрался Володька – ему негде было тогда переночевать (вход в общежитие наглухо закрывали в десять вечера, а он опоздал). Старуха засекала, как заходит Володька, и с готовностью закатила скандал; однокурсник ей что-то грубо ответил, и мы вернулись в общагу...

За те полтора месяца я почти не появлялся на занятиях, а гулял по городу. Денег было, мягко говоря, не густо, и гулять приходилось пешком, чаще всего вблизи дома, то есть – по

Васильевскому.

Я облазил все проспекты и линии, берега речки Смоленки, бродил по заболоченному кладбищу, добирался до Галерной гавани и Морского порта, до Северного побережья, где, казалось, прямо со дна залива поднимаются многоэтажные новостройки. А вечером, устало лежа в маленькой, зато с высоченным потолком комнате, представлял себя петербургским студентом девятнадцатого столетия.

– Ты на Ваське, что ли, живешь? – спросил я, ерзая на сиденье, пытаюсь разглядеть, узнать каждый дом.

– Да, на Морской набережной. Уже скоро. Но надо сначала в магазин завернуть – холодильник пустой. Ты-то, наверное, голодный. – Впервые за время поездки в голосе Володьки появилось участие.

– Ну, так... – Я почему-то почувствовал неловкость, тем более что после похода от вокзала до «Чкаловской» аппетит действительно нагулял не слабый. – Кстати, Володь, как того парня звали, не помнишь? С которым я комнату здесь снимал?

– Дрон... Андрюха. А что?

– Вспомнился просто.

– Он здесь, если тебе интересно, тоже дела крутит приличные. Можно ему позвонить.

– Давай! – обрадовался я и стал высматривать таксофон.

Что-то запикало. Я повернулся на звук. Володька уже держал телефон возле уха.

– Алло! Дрон? Здорово! – сыпанул восклицаниями. – Как жизнь?... У, ясно. Знаешь, кто рядом со мной сидит? Ну, угадай... Твой сожитель, ха-ха! Да какой... Ромку помнишь? Вместе комнатнушку снимали, еще когда в путяге учились. Ну вот приехал, к себе везу... Подъезжай, будет время... Ага... Мне надо еще по делам смотаться, а вы можете посидеть... Ладно, приезжай, как освободишься. Давай!

Улыбающийся, посвежевший от разговора Володька нажал на мобильнике какую-то кнопку, сунул его в карман. Глянул в мою сторону:

– Обещал заскочить.

– Нормально...

Тормознули возле магазина с огромной, даже сейчас, днем, ослепительно сверкающей сотнями лампочек надписью «Континент».

– Выпрыгивай, – велел Володька. – Надо пропитаньем слегка затариться.

Эта «затарка» подарила мне первое знакомство с супер-маркетом.

Вообще-то по зарубежным фильмам и нашим убогим подобиям под названием «универсам» я имел представление, что это такое, но реальное столкновение, честно сказать, ошеломило. Я растерялся.

Бесконечные ряды полок с разноцветными банками, упаковками, бутылками; чистота и идеальный порядок, как прямо в музее. Молодые, красивые, длинноногие девушки в

одинаковых синих фартуках и пилотках приветливо улыбаются. Даже не просто приветливо, а будто самому близкому человеку. У каждой на груди бирочка с именем; и имена-то какие все – «Жанна», «Катюша», «Эльвира», – под стать первосортному товару вокруг... Удивительно, что за вход сюда не надо платить, можно гулять задарма и глазеть, глазеть, сколько угодно. Да, бесплатный музей...

А для Володьки это, похоже, самое обычное место. Катит решетчатую тележку, без сомнений и размышлений наполняет ее чем-то с полок, из открытых стеклянных прилавков-холодильников. Вот обернулся, громко, пугающе громко позвал:

– Роман!

Я дернулся, трусцой побежал к нему, как к защите.

– Что есть будешь?

– Да я как-то... – по своему обыкновению замямлил я, и вдруг появилась смелость, даже наглость, отчаянная и безрассудная: – Самое лучшее! – На глаза попались копченые куры. – Курицу можно, сыра там... А это вкусно? – я указал кивком на пакетики с замороженными овощами.

– Смотря кому. Вот ничего. Мексиканская смесь. Брать?

– Конечно!

– Оливки? Они для этого самого, – Володька покачал согнутой в локте рукой вверх-вниз, – очень полезны.

– Давай, хе-хе, конечно, давай.

– Что хочешь пить?

– Н-ну, я водку предпочитаю.

Володька посерьезнел, замер, точно бы размышляя, но тут же махнул рукой:

– Ладно, ради праздника можно... – Положил в тележку литровую бутылку «Абсолюта» с синими буквами на прозрачной этикетке.

«Как в рекламе!» – пришло мне подходящее сравнение, и от этого спина как-то сама собой распрямилась, мускулы окрепли, я весь наполнился силой и достоинством.

– Долго еще? – спросил я, когда мы снова оказались в машине.

– Три минуты.

– У, радует.

Питер, проспекты, сказочный «Континент», мягкий бег «Мерседеса» теперь, в один миг, поблекли и отошли на второй план. Ведь я вспомнил, что пять лет – целых пять лет! – не был в нормальной квартире. Пять лет не принимал душ, не сидел на унитазах, не катался в лифте...

И снова, как тогда, после предложения Володьки, выполняя привычную работу, я почувствовал, что я на грани того, чтоб не выдержать. Ведь пять лет, может, лучшие в жизни пять лет я провел в полускотских условиях, я просто превратил их в навоз для удобрения неизвестно чего. Добровольно выкинул драгоценные годы из своей жизни. А ведь вокруг-то... Вокруг!.. Я впивался глазами в идущих по тротуару людей, стараясь стать похожим на них, я ласкал сте-

ны домов, полукруглые окна, за которыми уютные, удобные для жизни квартиры; я косился завистливо на Володьку, следил, как он с уверенной небрежностью переключает скорости, как легко покручивает чуть влево, чуть вправо руль, а красивая машина покорно исполняет его команды... Наш семейный проржавевший «Москвич» показался мне тогда предельно уродства...

Нет, не надо ни о чем вспоминать! Чистый лист... с чистого листа... Но, как всегда, как назло, замелькали картинки из прошлого... Я стою на праздничной линейке во дворе школы первого сентября. Маленький, растерянный, в слегка великоватом синем костюмчике-форме, с новеньким и еще пустым ранцем за плечами, с букетом гладиолусов в потной от волнения ручонке. Первый раз в первый класс... Что-то говорит высокий незнакомый мне дяденька (потом я узнаю, что это директор, строгий и правильный до жестокости), его сменяет тетенька с добрым голосом (через четыре года она замучает меня своим немецким), затем из громкоговорителя льется такая светлая песенка «Вместе весело шагать по просторам!...». Слева и справа от меня, сзади стоят незнакомые ровесники, и я рад, что мы пока ничего не знаем друг о друге, а три уже знакомые девочки (они были со мной в одной группе в детском саду) портят настроение, кажутся мне лишними и опасными – ведь они знают меня прежнего, детсадовского, дошкольного... После этой мелькнула другая картинка – как мы прилипли с Володькой к круглому окну самолета, бе-

гущего по посадочной полосе... Мы – новые, никому здесь пока не знакомые, и будущее теперь зависит только от нас, от того, как мы поставим себя. И, конечно, нет и мысли о том, что через неделю нас будут бить туркмены из ПТУ, что жизнь в этом прекрасном городе окажется далеко не праздником... А вот меня уже гонят со станции к воротам воинской части. Вокруг топочут десятка три таких же, как я. Одни лысые, другие пока с волосами, но скоро мы сравняемся полностью – от причесок «под ноль» до обуви и трусов. Лейтенант время от времени колет наши уши командами: «Подтянись!.. В ногу!.. Шир-ре шаг!..» По бокам колонны, как конвоиры, шагают сержанты, высокие, здоровые парни, и совсем не верится, да и просто в голову не приходит, что они-то всего-навсего на год-полтора старше нас. Нет, меня и вот этого, в заломленной на затылок шапке с гнутой кокардой, в красиво сидящей шинели, разделяет целая жизнь. Я слабенький, перепуганный, новый, никому не известный, а он... И надо сделать все возможное, чтоб показать, что я тоже чего-то стою, тоже могу стать таким, а иначе здесь, кажется, и нельзя... Вот мы с родителями переносим вещи из пультмана в избушку. Старые, хорошо знакомые вещи, среди которых я жил с раннего детства. Но здесь, в новой обстановке, они выглядят нелепо и пугающе. Кресло, овальный обеденный стол, сервант, телевизор, связки книг... Подходят соседи знакомиться, появляются парни и предлагают мне перекурить, начинают расспрашивать, откуда мы, надолго ль приехали, чем

занимаемся. Вот прошла по улице симпатичная девушка, с интересом на меня посмотрела – ведь я новый, я никому пока здесь не известный. Опять с чистого листа, и все сейчас в моих, только в моих руках...

Но почему я нигде не становился сильным, уважаемым, нигде не попадал в общий круг, а болтался где-то на отшибе? В школе, в училище, в армии, в деревне... Теперь судьба дает мне еще один шанс. Я сижу в «Мерседесе», я в новом месте, у меня впереди новая жизнь. Да, я опять новый, меня здесь никто не знает, кроме Володьки и совсем немного Андрюхи. И лишь от меня зависит, каким я стану, как себя здесь поставлю. Сделаюсь своим или опять окажусь на отшибе... Как поступить, чтоб оказаться своим, вместе с ними, с теми ребятами, которые поняли, как надо правильно жить? Одному, кажется, я уже научился – нельзя робеть, мямлить, не знать. Да, к черту, к черту эти пожимания плечами, идиотские хохотки, раздумчивые «н-ну»!

Темно-серый семнадцатизэтажный дом подъездов, наверное, в двадцать. Не меньше. Такие громады должны строить на какой-то черте – на границе микрорайона, округа, а то и вовсе целого города. Дальше, за этим домом, просто обязано быть другое. Лес до горизонта, пустырь, за которым новый микрорайон, еще что-нибудь в этом роде. Новые лабиринты домов по крайней мере представить себе невозможно.

Володька остановил машину, заглушил почти бесшумно

работавший мотор.

– Вот-с, приехали.

– Ты в этом доме живешь? – не поверил я.

– Ну. А чего?

– Да нет, так... Мощное сооружение.

– Еще бы! Забор от ветра.

Я нагрузился своими сумками, Володька – пакетами из «Континента». Небрежно хлопнул дверцами, направился к подъезду. «Замкнуть забыл, что ли?» – подумал я, хотел было уже напомнить, но, дойдя до ступенек крыльца, Володька как-то привычно, почти инстинктивно приостановился, нажал кнопку на брелке с ключами. «Мерседес» отозвался всплеском, моргнул фарами. Я догадался, что это он включил сигнализацию...

В первый момент меня поразило: как в таком огромнейшем доме, почти вавилонской башне, могут быть такие квартиры? Тесный пяточок прихожей, кухонька, где двоим уже тесно, сидячая ванна. И комнаты напоминают клеточки. Но зато их три. И та, что в народе называется «зал», все-таки более-менее. Плюс к тому застекленная лоджия. Как ни крути – с избенкой сравнения нет... И уж что стопроцентно испугало другие недостатки Володькиной квартиры, так это вид из окна, с двенадцатого этажа. Вид на залив.

Я замер, влип глазами в густую синь шевелящейся воды, медленно пополз взглядом дальше, к пепельному туману, в котором то ли различается, то ли просто угадывается кром-

ка суши... И, как по заказу, оттуда вдруг появился белый треугольничек паруса; зыбкий, такой ненадежный, он упорно двигался сюда, становился больше, реальнее, он догонял волны, подминал под себя. Захотелось во весь голос, с выражением читать: «А он, мятежный, просит бури...»

– Потом посозерцаешь, – выбил меня из лирики хозяин квартиры. – Давай покажу, что к чему, а то ехать надо.

– Куда? – мне почему-то стало тревожно.

– Хм. Я все-таки работаю. Не вольная птица.

– А, да-да...

Володька объяснил, как включать плиту на кухне, как телевизор, видеоманитофон; рассказывая, он принохивался и все явнее морщился, наконец не выдержал:

– Носки есть другие?

– Да, конечно.

– Смени, а эти вон в пакет заверни и выкинь в ведро под мойкой. И душ прими.

– Конечно-конечно... – торопливо кивнул я и перевел разговор на более интересное: – И за сколько, если не секрет, ты ее купил?

– Кого?

– Ну, квартиру.

– Пока только снимаю. Может, куплю. Хозяева, в принципе, готовы продать...

Не удержавшись, я перебил:

– Вид потрясающий из окна!..

– Вид не самое главное. Зато сквозняки – никакой утеплитель не помогает. Ветры жуткие. – Володька посмотрел на часы, дернул головой досадливо. – Ни фиги ж себе! Все, я поехал. Андрюхе открой, он должен заскочить вот-вот. Обрадовался тебе... Я буду часам к десяти, потом, может, куда-нибудь в клуб рванем.

– В ночной клуб? Хорошо бы... давно мечтал...

– Еще – ха-ха! – надоест. Ну все, пока!

Володька быстро вышел за дверь, щелкнул замком-собачкой. Я слышал стук его башмаков по плитке пола, потом за скрипели дверцы лифта, разъезжаясь, а через несколько секунд с хлопком, сомкнулись... Убедившись, что Володька уехал, я гикнул, подпрыгнул, ликуя, что остался один в квартире, что могу делать, что захочу. Могу включить видик и посмотреть какой-нибудь эротический фильм (у Володьки наверняка среди сотни кассет в шкафу есть нечто такое, а я никогда не видел настоящей эротики), могу петь, орать, развалиться на мягкой тахте. Могу сколько угодно плескаться в ванне.

Да, надо срочно помыться, тем более Андрюха вскоре обещал приехать... Я стал раздеваться, вспоминая забытые ощущения, когда лежишь в теплой воде, играешь пеной. Хм, это тебе не тазик с теплой водой в тесной, пропахшей дымом баньке...

В квартире оказалось очень мало вещей, мебель только

самая необходимая: в «зале» тахта, два кресла и между ними стеклянный столик с несколькими журналами «XXL» и «7 дней», узкий чернostenный шкаф с телевизором и видеомангнитофоном внутри, множеством кассет и несколькими книжками вроде Дина Кунца и Стивена Кинга... В другой комнате, скорее всего, кабинете, – письменный, тоже черный, стол, на нем компьютер, какие-то бумаги и папки, календарь, бокал для ручек. Рядом со столом вращающееся кресло, у стены шкаф с пустыми стеклянными полками; рядом со шкафом узкий диванчик... Третья комната была превращена в спортзал. Шведская стенка, два тренажера, гантели разной тяжести, подобие велосипеда, но без колес. Я сел на него, с трудом провернул педали несколько раз и слез, почувствовав ломоту в икрах.

Изучив комнаты, прошел на кухню, тоже хоть и маленькую, зато без ненужного барахла. Нашел в шкафчике рюмку, оторвал у курицы ножки, порезал хлеб, насыпал оливок на блюдечко... Что ж, Андрюха что-то не торопится увидеть своего соседа по романтической комнатенке, а выпить надо, отметить приезд хоть в одиночку, да и под рюмочку время скорей побегит, скорей вечер наступит, и там уж наверняка будет настоящий праздник, ночной клуб, еще что-нибудь...

Расставил закуску на журнальном столике, открыл «Абсолют», без промедлений выпил рюмку почти безвкусной, совсем не противной, но и без той жгучей сладковатости, что всегда присутствует в «Русской», «Столичной», и потому ка-

кой-то ненастоящей водки. Выдохнул для порядка, закурил сигаретой, еще раз оглядел чистую, светлую комнату. Да, хорошо... Стал изучать дистанционку.

Включить телевизор и видеик удалось без особых проблем, но зато с каналами я что-то напутал, фильм «Шоу-герлз», который я всунул в щель магнитофона, на экране не появлялся, хотя кассета крутилась... В итоге я разозлился и, попивая безвкусный «Абсолют», стал смотреть клипы по MTV...

Неудача с видеиком, честно сказать, очень расстроила, тем более что это была первая неудача в моей новой жизни.

А утром Володька мне выговаривал:

– Это не дело, теперь так не принято. Я понимаю, хотелось отметить, расслабиться, только до такого скотства зачем... Нажрался, ванну всю заблевал, Дрон полчаса трезвонил, фигел – музыка играет, а никого, что ли, нет... И ему вечер испортил, и мне... Нет, Роман, завязывать надо с этим, здесь не твоя деревня. Здесь по-другому... У меня лично жизнь по минутам расписана, и за тобой бухим ухаживать я не собираюсь. Сегодня давай отлеживайся, а завтра начнешь работать. Надо ж, почти литровку водяры за каких-то пару часов выглушил!.. Нет, я серьезно говорю: это первый и последний раз...

Я лежал ничком на диване в Володькином кабинете и сдерживался, чтоб не послать его куда подальше. Каждое его слово вбивалось в мозги раскаленным гвоздем, хотелось сдавить голову и завывать. И Володька, кажется, почувствовал это, смягчился, почему-то полусшепотом предложил:

– Похмелись. Граммов семьдесят – само то.

Перед глазами как наяву возникла рюмка водки, я явно почувствовал запах «Абсолюта», и запах был теперь острый, терпкий, тошнотворнейший. Я сморщился, передернулся, но видение не растворялось – вот уже потекло по глотке теплое, смолянистое, вот добралось до желудка, там заурчало, и

остатки закуски бросились прочь... Я вскочил, застонал от боли в висках, побежал к туалету...

Володька уехал, и я почувствовал себя лучше в тишине и одиночестве. Завернулся в одеяло, подремывал, старался ни о чем пока что не думать. Очухаюсь, тогда извинюсь, все остальное...

Как я умудрился так быстро и сильно напиться? Ведь вроде спокойно сидел, смотрел телевизор. Ел копченую курицу и изредка наполнял рюмашку. Глотал, как мне казалось, малоградусный «Абсолют», даже подозревал, что нам продали подделку и почти разочаровался в чудо-супермаркете «Континент». А оказалось... Фу, какая же гадость! Снова увиделась рюмка, по глотке прокатилось теплое и смолянистое; я снова вскочил...

Все дело в том, что просто давно не пил. Только с родителями, изредка, по вечерам. Рюмки три, чтобы усталость снять, немного отвлечься от постоянных забот, а тут – дорвался... Бутылка дорогой водки, копченая курица, оливки, которые, правда, я почти не мог есть, – горьковато-соленые какие-то, – зато красивые и престижные... Ох, какой же я скотиной, наверное, выглядел, когда вернулся с работы Володька.

Только к пяти часам вечера более-менее пришел в себя, умылся, освободил раковину от грязных тарелок своей вчерашней пирушки. Хотел было включить телевизор, но поболся. Вдруг что не так сделаю... Вышел на лоджию, с тру-

дом выкурил полсигареты. Смотрел вдаль, на такую же, как и вчера, дымку на горизонте, там, где соединяются вода и небо, и снова гадал: видна ли действительно полоска суши или это обман... Н-да, отличный пейзаж, чтоб любоваться им после тяжелого, но продуктивного трудового дня, топить усталость в этой водной огромности и из нее же набираться новых сил, или с прекрасной девушкой стоять здесь в обнимку, от земного отрывать, парить над волнами... Скорей бы завтра, и начать действовать, выполнять задания, стать полезным, забыть о своем сегодняшнем состоянии.

Около девяти я съел остатки курицы, выпил стакан яблочного сока и лег на диван, укрылся с головой одеялом. Придет Володька – притворюсь спящим. Сплю – и дело с концом, никаких разговоров, а утром начать с начала. Взяться за ум. Хорошо, отпраздновал.

Склад находился в Никольском дворе, уменьшенном подобии знаменитой Гостинки, на берегу канала Грибоедова.

Возле стальной, покрашенной черной эмалью двери горделивая, яркая вывеска «Торговый дом «Премьер». Оптовая продажа обуви». Прямо, какходишь, – многометровое, полутемное помещение с высоким, пыльным потолком. Как колонны, как еще одни стены – большие коробки с обувью. Кое-где россыпь мелких, с фирменными знаками коробочек, в которых по паре туфель, ботинок или сапог. Тоже, как в квартире Володьки, порядок, лишь в дальнем углу явно

ненужное – горка мятых, полинялых джинсов, рваная кожаная куртка, электрическая пишущая машинка с раскуроченной клавиатурой, целлофановые мешки с газетами и журналами и просто обрывки бумаги, картона, шарики слипшегося скотча. К стене прибита металлическая дуга, а на ней висят завернутые в целлофан штук семь дубленок.

– Остатки прежних метаний. – Володька ковырнул джинсы мыском туфли. – Не сразу ведь к обуви пришел, много чего перепробовал. То сумки, то вот джинсы, то мясо, то лес... В итоге на обуви остановился. Обувь – самое оптимальное. Спрос стабильный. Штаны при желании можно лет пять носить, а обувь по-всякому чаще менять приходится. Когда трещина в подошве – попробуй нормально ходить... А женщины так вообще золотая жила.

Я в ответ понимающе усмехнулся.

– Ладно... – Он еще раз ковырнул ногой джинсы, точно бы проверяя, совсем они истлели или можно с ними что-нибудь сделать, и повернулся к ним спиной. – Ладно, пошли в офис. Сейчас звонить будут.

Сумрачное помещение склада связано узким коридорчиком с уютной, чистой комнатой. Стены обиты белыми пластиковыми рейками, в потолке шесть маленьких, зато очень ярких лампочек. Слева от входа стоит решетчатая пятиярусная полочка с образцами обуви. Три стола. Два больших, на них компьютеры, бумаги, разные канцпринадлежности, а на третьем – чайник, посуда. Стулья, вращающиеся кресла. В

общем, действительно офис, как на картинке.

Володька по-хозяйски уверенно уселся, бросил на стол свою кожаную пузатую сумочку. Глянул на меня:

– Чего стоишь на пороге? Располагайся.

– Уху... – Я тоже сел, осторожно подвигался в кресле влево-вправо, поозирался, привыкая к обстановке, заметил пепельницу, правда, слишком чистую, без окурков и пепла, будто находящуюся здесь лишь для порядка; осторожно спросил: – Закурить можно?

– Не стоит. Лучше на улицу выйди. Вон, – Володька указал на неприметную, обитую такими же, как и стены, рейками дверь, – есть выход во двор. Но вообще-то, – голос его стал доверительным и серьезным, – советую бросить. Зачем травиться? И так жрем всякую гадость, дышим дерьмом, так и еще это... Извини, Роман, но ты через пять-семь лет разваливаться начнешь. Видно же, что никакого у тебя здоровья нет, а жизнь начинается только. Скоро, – он неожиданно улыбнулся, прямо озарился улыбкой, потянулся так, что кресло закрипело, – скоро такие дела крутить начнем. Заживем по-настоящему... Так что готовься, еще не поздно человеком стать. Курить бросай, делай зарядку...

Я хохотнул. Володька, как мудрый старец, укоризненно покачал головой:

– Дурак ты, дохмыкаешься. Когда будешь от всяких остеохондрозов корчиться, вспомнишь мои слова.

Его учительский тон стал меня раздражать. Что, если по-

звал к себе, так можно, что ли, лить в уши все подряд, и я обязан кивать и улыбаться?

– Я в деревне, Володь, кстати, не на печке валялся. Вот несколько дней ничего не делал – и знаешь как мышцы ломит! – Для подтверждения я помассировал правой рукой тонкий бицепс левой; ломота, конечно, была, но не такая, чтоб о ней стоило говорить.

Володька то ли понял, что переборщил с нравоучениями, то ли решил не тратить на пустой спор время, закончил разговор шуткой:

– Сейчас фура придет, четыреста пятьдесят коробок. Так что – покачаешься.

Я опять хохотнул. На этот раз мягче:

– Спасибо!

– Да не за что, не за что... – Он поднял трубку телефона, стал нажимать кнопочки.

Потом долго беседовал с каким-то Сэром. Объяснял, что вот-вот придет машина с товаром, и вряд ли весь он уместится на складе, поэтому Сэр, как было условлено, должен приехать и забрать свою часть. Сэр же вроде как отвечал, что у него сейчас нет транспорта.

– Ну какие проблемы? Найми. Мы же заранее договаривались именно на этот день, на это время! – теряя терпение почти кричал Володька. – Мой «Рафик» тоже сейчас черт знает где. В Тверь товар повез, вернется не раньше вечера... Что мне, на крыльце оставлять коробки?!

Сошлись пока на том, что Сэр перезвонит через полчаса.

– Вот видишь, – отвалившись на спинку кресла, выдохнул устало Володька, – любая мелочь катастрофой стать может. Ведь все заранее обговорили, а теперь оказалось – машины нет. Да выйди на улицу, тормозни любую «Газель», предложи сто тысяч несчастных...

Я кивал сочувствующе, а в душе изумлялся, как сильно не вяжется должность Володьки на визитке «президент Торгового дома» и то, что оказывается на самом деле. Кустарность какая-то...

– Ладно, пока вот чего надо сделать, – Володька вскочил. – Пошли!

На складе он долго изучал ярлыки на коробках, что-то определял, высчитывал, беззвучно шевеля губами; я, как хвост, следовал позади и наконец получил задание:

– Эти восемь рядов, короче говоря, надо переставить сюда. И в высоту, сколько сможешь. Стремянку возьми. Надо место освободить... Так... А эти коробки сюда, в проход. Все равно те задние пока не понадобятся. Только не перемешай. Тут на боку, видишь, коды. Надо, чтоб они все были в ряду одинаковы, а то потом сдам не ту модель – снова проблемы... Ну, понял?

– Да вроде, – я кивнул. – Приступать?

– Естественно... Куртку сними, неудобно же.

Поначалу работа казалась плевой. Коробки легкие, и нужно было просто брать очередную, переносить метра на три в

глубь склада, заодно проверять по наклейке, чтоб, например «1253 В» попадало к «1253 В», а «2093–501 W» к «2093–501 W». Но постепенно это начало надоедать, глаза устали сверять цифры и буквы, коробки заметно потяжелели. К тому же слегка бредила обида. Вот Володька, мой одноклассник и друг, сидит сейчас в удобном вращающемся креслице, треплется по телефону (мне слышны обрывки фраз «...да не надо текилу! И так башка ни черта не варит...», «лучше в «У Клео», нормальный клуб»), а я должен вкалывать...

Да, в тот день я обижался, я еще не привык, что Володька теперь мой хозяин, а я – подчиненный. Он командует, я исполняю... Пять лет с родителями в деревне не пошли мне на пользу – я как-то отвык (да еще и не знал, так как никогда нигде не работал), что общество построено по такому принципу. Будь ты приятель, друг или даже родственник, если речь идет о бизнесе, соблюдение иерархии (хм, историческое словечко!) наверняка необходимо. Иначе ничего не получится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.